

СИБИРИАДА

ЮРИЙ
ДОСТОВАЛОВ

ТАЕЖНЫЙ
ГАМБИТ

Сибириада

Юрий Достовалов

Таежный гамбит

«ВЕЧЕ»

2017

Достовалов Ю. Н.

Таежный гамбит / Ю. Н. Достовалов — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-9279-6

Бывший фронтовик, офицер русской армии Александр Мизинов, которого судьба забросила в Сибирь воевать против большевиков, волею случая стал обладателем тайны золотой казны Колчака. Гражданская война закончилась, но, влекомый непримиримой ненавистью к новой власти, Мизинов оказывается активным участником белого подполья, помогает генералу Дитерихсу в организации мятежа во Владивостоке. Наконец, закупив в Японии оружие и снаряжение, Мизинов во главе большого отряда высадился на побережье Дальневосточной республики и возглавил беспримерный поход на Амур. Но судьба снова сделала вираж, и пленителем Мизинова стал его бывший однополчанин и личный враг капитан Суглобов...

ISBN 978-5-4444-9279-6

© Достовалов Ю. Н., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава первая. 1916. Сентябрь	6
1	6
2	9
3	11
4	14
Глава вторая. 1920. Март	15
1	15
2	20
3	24
Глава третья. 1921. Сентябрь	28
1	28
2	31
3	34
4	37
5	39
6	41
7	44
8	46
9	49
10	50
Глава четвертая. 1921. Октябрь	53
1	53
2	54
3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Юрий Достовалов

Таежный гамбит

© Достовалов Ю.Н., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Может быть, и просил брат пощады
у Каина,
Только нам не менять офицерский
мундир.*

Из песни

Глава первая. 1916. Сентябрь

1

Стрелковый батальон вошел в густой сосновый лес и стал там биваком. Вскоре пронеслась новость: через день-два придется заступать на позицию, а вслед за этим предстоит серия атак. Поползли слухи, что для успешного наступления новый командующий армией, серьезный и суровый генерал, жалеть людей вовсе не намерен.

Тридцатитрехлетнему командиру батальона капитану Мизинову в штабе дивизии в качестве утешения (по крайней мере, он понял именно так) передали, что беспокоиться нечего, что перед завтрашней атакой будет сделана такая мощная артиллерийская подготовка, что немецкие окопы будут сметены вчистую, что при таких условиях («Вы понимаете, Александр Петрович!») это будет, собственно, не атака немецкой позиции, а что-то вроде легкой прогулки.

Раздосадованный Мизинов ничего тогда не сказал штабисту. Единственное, что его мучило, было то, как все это объяснить бойцам. Ведь не то что офицеры – ни один солдат его батальона уже не верил в подобные обещания, и всякие очередные известия об атаках принимались без малейшего энтузиазма.

«В штабе дивизии меня считают пессимистом, – размышлял Мизинов, возвращаясь в свой батальон. – Но как тут не станешь пессимистом? Ведь такие же розовые словечки я слышал и перед наступлением на Стоходе в июле. Однако все произошло именно так, как предсказывали самые большие, самые неисправимые пессимисты! Нет, увольте, господа, отныне я самый закоренелый пессимист. Хотя бы потому, что разочаровываться потом не приходится!»

Он вспомнил, как несколько месяцев назад, в Петрограде, ему довелось присутствовать на лекции в Академии Генерального штаба. Пожилой полковник с седой бородкой и реалистичным взглядом на вещи убедительно говорил о военных новинках. В частности, рассказал про некоторые новейшие теории снарядов и брони. Он говорил, что для защиты от современных снарядов стали придумывать не менее современную броню. Создали даже такую, которую ни один снаряд пробить не в состоянии. Конструкторы снаряда не уступали, создали головку из особого металла, которая смогла пробить полторы таких брони. «Броневики» схватились за головы и лихорадочно стали видоизменять броню – вместо одного толстого сделали несколько тонких пластов. Ее снаряд с головкой уже не пробивал. В результате сложилась такая ситуация, что броня полевой обороны опередила снаряд полевого наступления ровно на четверть века.

«С изобретением магазинного ружья шансы обороняющегося необыкновенно повысились, – резюмировал лекцию профессор. – А с введением пулемета обороняющийся стал практически непобедим!»

«Что верно, то верно, непобедим, – согласился тогда Мизинов, а про себя уточнил: – Принимая во внимание, конечно, не австрийцев, итальянцев или турок, а крепкие и стойкие войска, например, немецкие и наши».

После той лекции Мизинов вновь попал в окопы и на собственном опыте убедился в правоте профессора. Он не раз видел, как одна-две упорные роты с десятком пулеметов выкашивали целую дивизию, наступающую по открытой местности. Под таким губительным и непрерывным пулеметным огнем пройти несколько сот шагов стало так же немыслимо, как под сильным ливнем пробежать тридцать шагов по двору и не вымокнуть.

Позже он услышал про героические атаки Третьей армии Радко-Дмитриева под Горлице. Ударной силой генерала были латышские стрелки – великолепные войска. Они атаковали грамотно, смело, отчаянно. Ну и что? Положили массу народу, а все напрасно.

Подобные атаки предпринимали и немцы. Однажды Мизинов видел такую атаку. Волна за волной немецкая пехота, как на параде, шла вперед, люди валились, за ними шли новые. Опять валились, снова вырастала новая стена. Но никто из этих сотен людей до русских линий так и не дошел. Мизинов узнал потом от пленных, что перед атакой для возбуждения немцам давали вино и какие-то снабодья...

«Бронированных стен, к счастью, немцы не везде успели понастроить, – думал Мизинов, уже подходя к землянке батальонного штаба. – Так что лучше всего крушить их полевые укрепления артиллерией!.. Однако что получается? – Досада вновь овладела им. – При всей доблести и искусстве наших артиллеристов на десять немецких выстрелов наши артиллеристы могут ответить двумя-тремя. Всякие мелкие приспособления траншейной войны: минометы, бомбометы, траншейные орудия – всего этого у немцев в изобилии, а у нас только еще вводится. Пустим мы к немцам мину из одного имеющегося у нас миномета, а они нам ответят из пяти! На пять их мин, по правилам войны, следовало бы ответить десятью. Но у нас их нет! Поневоле молчим и „кушаем“. Вот и создается в массе офицеров и солдат такое настроение, что с австрийцами хамить должно и можно, а с немцами – нельзя, поскольку мы всегда останемся в накладе. Мы, а не они. И не отсюда ли так мне знакомое уважение к неприятелю, почтение даже?..»

Мизинов вспомнил, как несколько дней назад он горячо поспорил с начальником батальонной разведки, штабс-капитаном Суглобовым.

– Да, я уважаю противника, – вспыхнул тогда Суглобов. – Вы посмотрите на подавляющее превосходство их вооружения перед нашим! И после этого как не совестно тыловым пропагаторам кричать о «варварстве» немцев?

– Господин штабс-капитан, почтение к неприятелю – это недостойное офицера чувство. Это не фактор победы. Это фактор поражения! – пытался урезонить его Мизинов.

– Плевать! – не унимался штабс-капитан. – В конце концов, право на жизнь имеет сильнейший. А не хватает силенок – уважай тех, у кого она есть! Я нашего Ваньку-лапотника, может, всей душой люблю и только счастья ему желаю! Но где ему взять счастья, если его гонят под пули ради наживы ненасытного хозяина?

– Это кого вы имеете в виду? – насторожился Мизинов.

– Полноте, капитан, вы и сами прекрасно понимаете, что эта война – средство наживы кучки мерзейших представителей рода человеческого, – устало отмахнулся Суглобов. – Следовательно, под ненасытными хозяевами я подразумеваю лишь некоторые персоны. Они, впрочем, известны и вам.

– Вы, случайно, не социалист? – Мизинов был поражен эскападой этого в общем-то неплохого боевого офицера, неоднократно выполнявшего самые опасные задания.

– Да не социалист я, – отмахнулся Суглобов, присев на топчан и закуривая. – Устал только от всей этой бессмыслицы.

– Защиту родины вы полагаете бессмыслицей?

– Да хватит, Александр Петрович! Немец тоже защищает свою родину. И почему я должен ему мешать в этом? Он такой же человек, как мы с вами...

– На войне человек – либо соратник, либо враг. Третьего нет!

– Есть третье, есть! – Суглобов снова ожил и впился горящими глазами в Мизинова. – Жить по-человечески, без войны! Каждый на своей земле!

– Что же, мир с немцами заключить? – не понял батальонный.

– И мира не заключать! Но и не воевать! Ни войны, ни мира! – впавший в раж Суглобов так и застыл, как на трибуне, с разведенными руками.

– Послушайте, господин штабс-капитан, в таком случае мы дойдем до того, что по нашей земле протопают вражеские сапоги. Где же ваш патриотизм?

– «Сапоги», говорите? И пусть топают! Мне-то что! Да, я понимаю, начнется невообразимое. Ну, так и хорошо! Когда люди будут сыты хаосом, когда будут отрываться им, вот тогда, может быть, они захотят порядка и гармонии. Сам хаос должен их научить любить порядок! Только так. Другого пути нет!

– Это уже пахнет чистой анархией, господин штабс-капитан. Вам не кажется?

– В силу своих убеждений счастлив принадлежать к партии анархистов и считаю своим идейным учителем Уильяма Годвина¹, – признался Суглобов. – А теперь, господин капитан, позвольте мне немного поспать. Завтра ведь в поиск снова, по вашему указанию...

Поспать Суглобову Мизинов позволил. Однако от командования разведкой его освободил. Мало ли что наделает такой идейный за линией фронта? Да еще людей погубит. Поразмышляв немного, Мизинов назначил Суглобова вестовым при штабе. Должность, конечно, отнюдь не капитанская, но что делать! Люди гибнут, понятное дело, заменять их трудно, война, сами знаете. Дальше посмотрим. Командиры рот тоже немало рискуют...

Все это по возможности мягко батальонный объяснил наутро Суглобову. И прочитал в его глазах затаившуюся злобу. Пылающую злобу анархиста...

¹ Уильям Годвин (1756–1836), один из основоположников анархизма.

2

Когда Мизинов вернулся в штабную землянку и рассказал офицерам о завтрашнем наступлении, его сообщение было встречено весьма холодно. Об этом открыто не говорили – не принято, но в глубине души на успех надеялись мало. Мизинов видел это по глазам многих офицеров. Из дальнего угла землянки на него сверкали колючие глаза Суглобова. Они, казалось, говорили: «Ну что, где теперь твой патриотизм?»

Мизинов и сам прекрасно понимал, что единственная помощь в такой ситуации – артиллерия. Иначе...

«Иначе мы не только не прорвем оборону немцев, но даже не дойдем до их укреплений», – грустно заключил капитан.

Основания такому скепсису были, и немалые. На позиции Шельзин – Краюхи – Загладница русская дивизия стояла против немецкой уже несколько месяцев. Атаки если и предпринимались, то все были неудачны – с обеих сторон. От деревень остались лишь кое-где торчащие печные трубы. Параллельно первой линии русских траншей тянулись десятки других, с интервалом шагов на сто друг от друга, глубоких, с блиндажами, но в это время уже порядочно запущенных и загаженных. Все они пересекались бесконечными, узкими, извилистыми ходами сообщений. Получался целый лабиринт, разобраться в котором было нелегко. То там, то сям торчали из земли деревянные крестики из палок и досок, некоторые совсем свеженькие, некоторые уже готовые упасть... Кое-где – надписи чернильным карандашом, от старых дождей трудно разбираемые...

К вечеру войска стали заступать на позиции. В первую линию стал Коростельский полк и егеря. Коростельцы справа, егеря – слева. В резерве за коростельцами стал Евтихиевский полк, где одним из батальонных был Мизинов. За егерями стали бойцы Гурьевского полка. На утро назначили атаку коростельцев и егерей.

Многим не спалось в ту ночь. Мизинов то и дело вспоминал рассказы профессора академии, перед закрытыми глазами проносились окровавленные трупы, разрывы снарядов, летящие в воздух колеса телег, злобные глаза Суглобова. Беспокойно провозившись три-четыре часа, он уснул только перед самым рассветом.

...Все проснулись от дикой канонады. Началась артиллерийская подготовка. Из штаба дивизии прибыл вестовой с приказом атаковать в три часа дня.

Как и опасались, подготовка была далеко не такой, о которой Мизинову говорили в штабе. Никакой дополнительной артиллерии наступающим не дали вовсе. И хотя грохот получался внушительный, но эффект, конечно, был слабый. Над немецкой линией разрывы снарядов поднимали облака пыли. Но разрушить трехдюймовками долговременные немецкие укрепления, блиндажи в несколько накатов бревен, с сажеными настилами земли – об этом нечего было и думать.

Вся надежда была на бригадную артиллерию подполковника Васильева. Но что мог сделать Васильев с восемью пушками на фронте целой дивизии? После восьмичасового грохота, в ошалевшем состоянии, с шумом в ушах (многие забывали держать рот открытым и ваты в уши тоже не клали), офицеры мизиновского батальона отошли немного в сторону, поднялись на самое высокое место, откуда немецкие позиции были видны довольно хорошо. Однако ни простым глазом, ни в бинокль ничего разобрать было нельзя. Над всей немецкой линией стояло густое сплошное облако дыма. День выдался солнечный и совершенно безветренный. Посмотрели на часы – половина третьего. Все спешно спустились в землянку.

Ровно в три часа вся артиллерия замолчала, как отрезала. Телефонист у батальонного телефона сообщил:

– Вашвысокородь, из штабу передают – коростельцы и егеря пошли!

Все сняли фуражки и перекрестились.

Что «пошли», все почувствовали по бешеной стрельбе, которая началась по всей немецкой линии: винтовочный лай, таканье пулеметов, свист шрапнели над первой линией и буханье нескольких тяжелых батарей, которые сразу же стали бить по ближним и дальним резервам, то есть по Евтихievскому и Гурьевскому полкам.

Несколько двухсаженных фонтанов земли взлетели к небу совсем близко от блиндажа Мизинова. Офицеры выскочили в окоп и, стоя во весь рост и прильнув к биноклям, изо всех сил старались разглядеть и понять, что там впереди.

На пороге землянки, не отпуская трубки, полулежал телефонист. Голос у него прерывался:

– Вашвысокородь, коростельцы остановились!..

По миг изменившемуся характеру стрельбы впереди стало ясно, что там творится что-то скверное. В немом молчании прождали еще минут пять. Вдруг снова голос телефониста, на этот раз радостный:

– Вашвысокородь, из штабу передают – егеря дошли и заняли окопы!

И сразу же с души словно камень свалился. Вокруг закричали, как один:

– Кавалерия, кавалерия!

Рев был дикий, радостный, оглушительный. Ни на каких смотрах и парадах так никогда не кричали. Слева внизу, в лощине, довольно близко от мизиновского блиндажа, стоял, спешившись, какой-то кавалерийский полк. Мизинову показалось, что это гусары Мариупольского полка. А они, видимо, только и ждали подбадривающих криков. Выскочили вперед офицеры. Слабо донеслась команда:

– По коням! Садись! Рысью ма-арш!

Эскадроны один за другим двинулись и сразу же перешли в галоп. Но еще не выходя из поля зрения Мизинова, вдруг сбивчиво остановились, покрутились на месте и полным ходом пошли назад. И в один момент прекратился и крик. Заняли егеря первую линию немецких окопов и были выбиты или просто не смогли до нее дойти, как коростельцы, но всем стало ясно, что радость была преждевременной, что никакой победы нет и что кавалерии там делать нечего.

Через полчаса стало известно, что атака отбита по всей линии – и у коростельцев, и у егерей – и что потери ужасающие. Немцы еще какое-то время отвечали тяжелыми снарядами, но к вечеру все стихло. И до самой ночи мимо блиндажа Мизинова таскали коростельских раненых.

3

На следующий день Мизинов услышал, будто командующий армией был очень недоволен, говоря, что войска не желают по настоящему драться и симулируют атаки...

«Симулирует атаки! – грустно усмехнулся капитан. – Веселый разговор!»

В тот же день вечером стало известно, что послезавтра приказано атаковать гурьевцам и евтихиевцам.

«Вот оно! – пронзила Мизинова острая мысль. – Это конец. Ведь и теперь никто специально для меня не подготовит хорошую артподготовку. Может, прав Суглобов? Штыки в землю – и по домам?»

От таких мыслей, он знал по опыту, его могла отвлечь только реальная работа. На удачу, прискакал вестовой офицер из дивизии и приказал составить диспозицию. Мизинов уселся рядом с ним на почерневшую лавку под свисающей с потолка коптящей керосинкой.

Для боев всегда велась строгая очередь. В полку батальонам, а в батальонах – ротам. На этот раз батальонам приходилось идти так: первому, третьему, четвертому и второму. Мизиновский батальон был в полку первым. Из каждого батальона атаковать должны были по одной роте. Из первого батальона шла вторая рота. При успехе в прорыв должен был броситься весь полк.

Когда вестовой ускакал, командир и отвел Евтихиевский полк на передовую, где еще недавно были коростельцы. Тут же сообщили подробности предстоящей атаки. Артиллерийская подготовка, как и в прошлый раз, начнется в шесть и продолжится почти сутки, до четырех утра следующего дня, когда ротам по часам подниматься и идти в атаку. Вторая рота занимала исходное положение в передовом окопе. После ее выхода по ходам сообщения выходят в поле, не задерживаясь, девятая, пятнадцатая и пятая.

– Таким образом, – говорил командир полка, – в указанную минуту, без всяких дополнительных приказаний, весь боевой порядок начинает одновременное движение. Между параллелями – около ста шагов расстояния.

Наутро ровно в шесть началась пальба. Погода была как на заказ – солнечная и теплая. Но на душе у Мизинова было довольно скверно, по совести сказать, в успех он особенно не верил. Если еще при позавчерашней атаке и можно было на что-то надеяться, то второй раз, да еще через четыре дня, повторять то же самое... Ничего доброго это не сулило.

Мизинов зашел на батарею Васильева. Юркий и невысокий подполковник-артиллерист, кажется, тоже понимал всю тщетность предстоящей атаки, однако казался бодрым и суетился у накалившихся орудий. Мизинов позавидовал его самообладанию.

– О разрушении немецких окопов, Александр Петрович, голубчик, не может быть и речи, – как-то враз затараторил Васильев, едва увидев Мизинова. – Конечно, говорить это во всеуслышание не стоит, но вы-то понимаете, конечно, что трехдюймовыми пушками разрушить немецкие укрепления нельзя?

– Ну а огневую завесу перед атакующим, как практикуется на западном фронте, вы нам устроить можете? – с надеждой спросил Мизинов.

– Нет, этого мы тоже не делаем, – развел руками Васильев.

– А по ближайшим тылам немцев, чтобы мешать им подвозить пищу, подводить свежие войска, вы можете бить? – не отставал батальонный.

– На все это, батенька, у нас не хватит ни орудий, ни снарядов. Единственно, что мы сможем сделать и сделаем, – это заставить немцев в окопах немножко обалдеть, а перед их линией прорвем проволоку. Больше ничего от нас не ждите! Уж пардоньте нас, грешных!

«Прорвать проволоку, конечно, полезно, – думал Мизинов, возвращаясь в окопы. – Однако нужно еще дойти до нее. А идти придется пятьсот-шестьсот шагов по ровному, как

скатерть, полю. На каждом ротном участке, как минимум, четыре-шесть вражеских пулеметов, не считая скорострельного ружейного огня».

Как только началась артподготовка, немцы замолчали. Ни одного выстрела. Мизинов собрал унтер-офицеров, и они отправились в первую линию. Долго стояли и смотрели в перископы, рассчитывая и примеряя, как идти. Старались найти какие-нибудь ложбинки, лощинки, складочки, чтобы без особенных потерь пройти хоть часть пути. Сразу у окопов местность слегка понижалась, так что при самом выходе образовалось подобие мертвого пространства.

Мизинов тотчас понял, что для его бойцов это как раз живое пространство – шагов в пятьдесят ширины, а дальше бугорок и ровное поле, но над ним, вплоть до немецких линий, от стрельбы густое облако пыли, так что ничего разобрать нельзя. Удача!

В полдень привезли обед для личного состава. Мизинову налили котелок. Он поблагодарил и стал подсаживаться к разным взводам. Ему хотелось узнать настроение солдат, как говорилось, «измерить температуру»... Что они думают... Пойдут или не пойдут... И если пойдут, то как... Только сделают вид или пойдут по настоящему, от сердца...

Мизинов говорил в деловых тонах: как следует идти, по каким ходам войти во вторую линию, по каким – в первую, как выходить в поле, как держаться ближе к начальству, кто кого замещает.

Отвечали ему тоже по-деловому. Иногда шутили, иногда смеялись. «Температура» казалась нормальной, а что у них на душе делалось, понять было нелегко... Раз офицеры громко своих мыслей не высказывали, то солдаты – тем более, в особенности начальству.

Все-таки после этих разговоров Мизинову стало намного легче. Как-то неуловимо ощущалось, что, несмотря на три года войны, усталость, четыре раза переменявшийся состав и огромную нехватку офицеров, – несмотря на все это, существует еще чувство плеча, взаимной связи, доверия, боевого товарищества, этой основы всякого хорошего войска.

«Может, и на доньшке, но есть еще порох в пороховницах, – мелькнуло у Мизинова. – Живучие, хорошие, старые полки... Есть у них какой-то „грибок“, который ничем не вытравить. И нам бы только один успех! И тогда опять все было бы забыто. Опять полк был бы не хуже, чем в четырнадцатом году!...»

Артподготовка шла полным ходом. Немецкие окопы были под обстрелом уже девять часов. Но тут в первую линию зашел дивизионный адъютант. Он пригласил Мизинова посмотреть на немцев в бинокли и первым высунулся из окопа. Только Мизинов хотел предостеречь его, как «бух!» – ударил немецкий снаряд прямо в бруствер над их головами. Оба только успели нырнуть. Это был плохой знак. Ведь при настоящей подготовке, после девяти часов пальбы, люди в обстреливаемых и уже полуразвалившихся окопах, те, кто еще цел, должны переставать понимать, где правая и где левая сторона, где верх и где низ... А у них наблюдают за противником, как ни в чем не бывало. И наблюдают неплохо.

И, как подтверждение этим мыслям, случилось неожиданное. Роли словно переменялись. Без особого предупреждения немцы открыли по передовому участку русских такой артиллерийский огонь, что стало просто страшно. Окопы казались сплошным столбом черной земли двухсаженной высоты. Продолжалось это минут сорок. Позже Мизинов узнал, что за время бомбардировки соседний полк потерял сорок процентов состава и для атаки был заменен другим.

Скоро стало смеркаться. За ужином капитан позвал денщика Марьина, вологодского крестьянина-верзилу, и вручил ему конверт:

– Вот, Марьин, если со мной завтра что-нибудь случится, то ты мой гроб, наверное, повезешь в Петербург. Там опусти это письмо. Оно в Ярославль, моей матери. Жениться я за всей этой кутерьмой так и не сподобился... А теперь поцелуемся, пожелаю нам победы, а мне Георгиевский крест!

– Так что желаю вам, ваше высокоблагородие, легкую рану. Тогда, может, в отпуск съездите...

Начавшаяся в шесть часов утра и продолжавшаяся беспрерывно целый день артиллерийская подготовка на фронте атаковавшей дивизии в девять часов вечера, за семь часов до атаки, вдруг совершенно неожиданно прекратилась.

Первые минуты никто не мог понять, в чем дело. Отменена атака? Стали звонить в штаб полка. Там тоже ничего не понимали. Передали, что неожиданно артиллерия получила приказание прекратить огонь. Через некоторое время объяснили, что прекратили стрельбу потому, что из-за темноты нельзя «вести наблюдение за попаданием», что при таких условиях «не стоит тратить снарядов»...

– А жизни наши тратить стоит? – ехидненько проворчал Суглобов. – Вздор это все! Отговорки для институтков младшего возраста! Всякий военный званием выше унтера знает, что в позиционной войне хорошая артиллерия имеет все преимущества перед неприятелем. А у нас она хорошая! Да и как можно вести наблюдения за попаданиями, когда сразу палит шестьдесят пушек и над всей линией противника широченное облако пыли? Не то что отдельных попаданий, а вообще ничего не видно.

Все молчали, нехотя соглашаясь с Суглобовым.

– Вы правы, штабс-капитан, – согласился Мизинов. – Ну что, господа? Немцы теперь твердо знают, что час атаки, конечно, на рассвете. Все повреждения, хоть бы и самые маленькие, они за ночь починят. А если нашим пушкарям случайно посчастливилось подбить два-три вражеских пулемета, то на их места немцы поставят десять. Но самое главное – те их войска, которые просидели под обстрелом пятнадцать часов, просто будут отведены в тыл, а на их место из резерва поставят свеженькие, которые и встретят нас подобающим образом!

– Да, да! – вопил Суглобов. – Так к чему же тогда вся эта, с позволения сказать, «подготовка»? Лучше было бы уже совсем без нее... Тогда у нас остался бы, по крайней мере, шанс внезапности! А так вышла не подготовка атаки, а предупреждение врагу!

Офицеры не знали, что и подумать.

– А знаете что, господа! – вызвался молоденький прапорщик, одессит Немоляйко. – Чтобы нас не заподозрили в трусости, что мы спасаем наши шкуры, предлагаю выйти цепью, двадцать человек офицеров, и пойти в атаку, но одним, без солдат...

Мизинов долго молчал, попыхивая папиросой, потом поднялся и сказал:

– Ерунда, прапорщик! Если мы пойдем одни, по нас немцы стрелять не будут, и придем мы прямой дорогой в плен. В то же время отказываться идти в атаку мы не имеем права. Хорошенькую страничку впишем в полковую двухсотлетнюю историю! Неисполнение боевого приказа... Петр в гробу перевернется... Идти нужно с солдатами и умирать нужно с ними... Как это всегда делалось. А кто это устраивает, пусть их судит Бог и Военная коллегия...

Вскоре по телефону из дивизии передали, что, нисходя к просьбам атакующих, артиллерии разрешено через каждую минуту поорудийно выпускать по одной шрапнели, дабы мешать немцам чинить разбитую проволоку.

Делать больше было нечего, все стали укладываться спать. Мизинов тоже пошел в свой блиндаж, приказав дежурной связи разбудить его в три часа, помолился, лег и заснул. Без двадцати минут три он проснулся сам и вышел из блиндажа. Было довольно прохладно. Ночь была звездной и лунной. Артиллерия продолжала свою стрельбу «по минутам». С немецкой стороны слышался еле внятный шум земляных работ и более явственно – удары деревянных молотков.

Людей батальонный не велел будить до самого последнего срока. Ничего нет хуже, как лишнее время томиться зря без дела. Сам он чувствовал себя, словно перед серьезным экзаменом, когда предмет знаешь плохо...

4

В половине четвертого рота была на ногах. Одеты в шинелях, но без ранцев. На головах фуражки.

Мизинов был тоже в шинели. На шее бинокль, на поясе полевая сумка и револьвер. Шашки большинство офицеров носили на войне только при представлениях начальству. Очень уж они были неудобны. Ни сесть, ни лечь быстро нельзя. При ходьбе попадают между ногами. Для пехоты устаревшее оружие, полагали многие.

Без десяти минут четыре весь батальон был выстроен. Часы накануне у всех офицеров и унтер-офицеров были выверены по минуте. В три часа пятьдесят пять минут обе полуроты второй роты были построены головами у ходов сообщения, которые вели во вторую параллель. Ходы очень извилистые и узкие, так что идти можно только цепочкой, в одну шеренгу.

В голове второй полуроты стал фельдфебель Ермаков, в голове первой с четырьмя людьми связи, стал Мизинов. Еще вечером он решил, что лично поведет бойцов в атаку. Сразу же за ним шел его старший по связи, младший унтер-офицер Козлов, большой молодчина, по довоенной жизни развитой петербургский рабочий и отъявленный эсер. Впрочем, на политические темы Мизинов никогда с ним не разговаривал.

Наконец стрелки часов показали четыре часа.

Еще минута – и вся немецкая линия затрещала. Поехало! В это же мгновение артиллерия противника стала бешено крыть по наступающим шрапнелью и гранатами.

Офицеры сняли фуражки, перекрестились. За ними перекрестились солдаты и быстрым шагом стали вытягиваться в ход сообщения.

Мизинов заметил Суглобова и кинул ему:

– Ну, штабс-капитан, вам предоставляется возможность отличиться. Ложитесь за пулемет. Если противник начнет контратаковать, отсекайте его от нас.

Суглобов приложил руку к фуражке и бросился к «максиму». Мизинов выхватил револьвер и крикнул в полный голос:

– Повзводно! Цепью! Ма-а-арш!

Только начали атаковать, как появились первые потери. Перешагнули через свалившихся и быстро рассыпались в цепь. Бежали быстро, в ушах свистел встречный ветер, жужжали пули.

Пробежали, наверное, полпути, как вдруг справа, из лощинки, послышались пулеметные очереди и показались густые цепи в черных шинелях. Немцы! И много! Решать нужно было мгновенно.

«Срочно положить людей на землю... Окопаться... – пронеслось в мозгу Мизинова. – Но почему же молчит Суглобов?..»

И едва подумал, как сзади, из своих окопов раскатилась знакомая, густо монотонная очередь «максима». Но странно – Мизинов так и не заметил, чтобы хоть один из немцев упал. Наоборот – резкой болью пронзило левую ногу над коленом. И не менее резко мелькнула догадка: «Суглобов?!»

Последнее, что он помнил, было невероятно яркое солнечное небо. Его лучи, наверное, и ослепили его. Потому что больше он ничего не видел...

Тяжело раненный, Мизинов потерял много крови. В бессознательном состоянии его отправили во фронтовой госпиталь. Там выяснилось, что пуля вошла со стороны спины и раздробила бедренную кость. Штабс-капитан Суглобов бесследно исчез.

Глава вторая. 1920. Март

1

Смена сезонов, как правило, приносит много хлопот. А уж сколько хлопот принесла эта весна Дальневосточной белой армии генерала Каппеля – не расскажешь в двух словах!

После своего Ледяного похода армия входила в Читу, одетая еще по-зимнему: в папахах, полушубках, в валенках и ватных штанах. А весна брала свое, не спрашивая измученных бойцов, готовы ли они встретить ее. Ледяной поход был полон страданий и лишений, десятки тысяч белогвардейцев, их семьи и беженцы подходили к Чите походным порядком и эшелонами по железной дороге, вместе с больными тифом и выздоравливающими. Станция не успевала принимать поезда, не хватало запасных путей.

Стрелковые части разместились в городе, а конница расквартировалась по ближайшим поселкам в окрестностях. Десятки тысяч людей сгруппировались в небольшом городе, мылись, сбрасывали с себя грязное прошивевшее белье, терпеливо ждали, когда и где будет отведено место для отдыха. Участники Ледяного похода много выстрадали, и эта передышка была настоящим счастьем. В их жизни вряд ли были такие счастливые минуты, какие они переживали сейчас.

Через некоторое время все вошло в нормальную колею. Карантин был снят, постепенно полки за полками, дивизия за дивизией преобразовывались, одевались в подобающую форму. На голове появились фуражки, на плечах – шинели с погонами, на ногах – кожаные сапоги или солдатские ботинки с обмотками.

Во время похода не было возможности вести учет личного состава, и теперь спокойно занялись этим: составлялись списки, малочисленные полки сводились в сводные, дивизии увеличивались в составе, их нумерация уменьшалась. Поменяли и командные должности. Некоторые получили повышение, а большинство – понижение. Командующий армией генерал Войцеховский ушел со своего поста, и войска возглавил генерал Вержбицкий.

Совещание командиров корпусов и дивизий собралось в жарко натопленной просторной избе читинского купца Махлатых. Было душно, много курили, говорили о грядущих переменах, спорили. Но вот вошел строгий, похожий на Колчака генерал Вержбицкий, и все умолкло.

– Господа, – начал командующий. – Предлагаю список командиров корпусов. Прошу вашего согласия на их утверждение. Кто не согласен – что ж, выскажите свое мнение, обсудим. Итак, начнемте. Состав нашего Первого корпуса состоит из ижевцев, воткинцев и каппелевцев. Командиром корпуса предлагаю оставить генерал-майора Молчанова. Ваше мнение, господа?

Поднялся сухощавый, с длинными усами а-ля дон Кихот, Викторин Михайлович Молчанов.

– Достойный командир, – раздалось несколько голосов, – боевой генерал!

Утвердили.

Из оренбургских казачьих полков сформировали дивизию, командиром дивизии был назначен генерал-майор Панов. Казачество Сибирского войска возглавлял генерал-майор Глебов.

– Состав нашего Второго корпуса, – продолжал Вержбицкий, – состоит из сибирских полков бывшей Первой армии. Господа, вы знаете, какое мужество продемонстрировали бойцы армии в последние дни и недели жизни Верховного правителя России...

Все согласно закивали в ответ.

– Вряд ли у кого-то возникнут сомнения в том, что спасение части золотого запаса Российской империи – заслуга солдат и офицеров этой армии. И в значительной степени – ее командующего генерал-лейтенанта Анатолия Николаевича Пепеляева.

– Оставить его превосходительство командиром корпуса! Анатолию Николаевичу слава!

Офицеры вскочили с мест, подхватили на руки командира корпуса и стали подбрасывать его под потолок.

– Ура Пепеляеву! – гремело в избе.

– Довольно, господа, довольно! – урезонивал, но не очень настойчиво генерал Вержбицкий: генерал Пепеляев был любимцем армии, с его именем были связаны наиболее славные ее победы.

Наконец Пепеляева водворили на скамью, на которой он сидел. Он смущенно улыбался, потом встал и сказал:

– Господа, боюсь, что у вас не хватит физических сил, поскольку качать следует не меня, а весь личный состав корпуса.

...В конце германской войны даже стойкие солдаты Пепеляева подверглись большевистской пропаганде. Виной тому был Брест-Литовский мир, прекративший военные действия на русско-германском фронте. Осознавая бесцельность своего дальнейшего пребывания на фронте, Пепеляев уехал к семье в Томск. На родине он появился в начале марта восемнадцатого. Там он вступил в тайную офицерскую организацию и стал начальником ее штаба. Организация планировала свержение большевиков, захвативших власть в городе в декабре семнадцатого.

В конце мая восемнадцатого в Новониколаевске началось вооруженное восстание против большевиков. Это дало толчок и томским офицерам, которые выступили 27 мая. Параллельно начался мятеж чехословаков. Томским восстанием командовал полковник Пепеляев. 31 мая в городе была установлена власть Сибирского правительства Петра Вологодского. По поручению правительства Пепеляев создал Первый Средне-Сибирский стрелковый корпус, во главе которого и встал. С ним он двинулся по Транссибу на восток, чтобы освободить Сибирь от большевиков.

18 июня пепеляевцы взяли Красноярск, 20 августа освободили Верхнеудинск, 26 августа пала Чита. Двигаясь дальше на восток по Транссибу, Пепеляев свернул войска на Китайско-Восточную железную дорогу для встречи с командиром забайкальских казаков атаманом Семеновым. Встреча произошла в конце августа на станции Оловянная. За этот поход Сибирское правительство произвело Пепеляева в генерал-майоры и наградило Георгием третьей степени.

По приказу Уфимской директории корпус Пепеляева перебрасывался на запад Сибири, а самого Анатолия Николаевича произвели в генерал-лейтенанты. С осени восемнадцатого его группировка находилась на Урале. В ноябре Пепеляев участвовал в пермской операции против красных. И тогда же узнал о перевороте в Омске, который привел к власти Колчака.

Пепеляев сразу признал верховную власть адмирала, так как ему была не по душе власть эсера Авксентьева. 24 декабря восемнадцатого года Пепеляев занял брошенную большевиками Пермь, взял в плен более двадцати тысяч красноармейцев и всех отпустил по домам.

В марте девятнадцатого началось всеобщее наступление колчаковцев, и Пепеляев двинул свой корпус на запад. К концу апреля армия Колчака была переформирована, Пепеляев стал командиром Северной группы Сибирской армии. А фронт тем временем замер. Только 30 мая Пепеляев смог начать наступление на Вятку, на соединение с войсками Миллера. В начале июня Пепеляев взял Глазов. Но через три дня его группа была остановлена. За последовавшим отступлением военная удача отвернулась от Пепеляева. В июле девятнадцатого Колчак переформировал свои части и образовал Восточный фронт, который был разделен на четыре армии. Командиром Первой армии был назначен генерал-лейтенант Пепеляев. Начальником

своего штаба он назначил новоиспеченного генерал-майора Мизинова, которого знал больше года как боевого, дельного и толкового офицера.

Но фронт уже безостановочно катился на восток. На некоторое время белым удалось задержаться на Тоболе, Пепеляев отвечал за оборону Тобольска. Но в октябре и этот рубеж был прорван красными. В ноябре бросили Омск, началось повальное бегство. Надежд на успех не было никаких. Поредевшая и утомленная армия Пепеляева подошла к Иркутску. Но большевики организовали хорошую оборону города, и после нескольких штурмов пепеляевцы отошли на восток и затаились в тайге.

Деятнадцатый год кончился страшно. Многие чувствовали, что Верховному правителю уготована страшная участь. Чехи его предали, потом Колчака передали в руки иркутского совдепа. Но лишь немногие понимали, что с гибелью Колчака грянет еще более страшная трагедия, даже катастрофа. Весь золотой запас Российской империи, отбитый у красных еще Капелем и путешествовавший в поезде Колчака, мог достаться красным.

Белые узнали, что один из вагонов с золотым запасом простаивал под неусыпной охраной чехов на дальних путях станции Айшет, на самых ее задворках. Почему большевики разместили его так ненадежно – было непонятно, да и раздумывать времени не было. И тогда Пепеляев решился на немыслимое, но единственно возможное в той ситуации. Собрал наиболее проверенных офицеров своей армии в ударную кавалерийскую сотню и назначил ее командиром Мизинова.

Ясной морозной ночью сотня Мизинова, прихватив с собой с десятков першеронов-тяжеловозов, совершила дерзкий налет на Айшет, где в тупике стоял вагон с золотом. Ошарашенные смелым налетом чехи практически не оказали никакого сопротивления и сложили оружие. Но времени оставалось в обрез. Мизинов понимал, что кто-то непременно телеграфирует о налете на иркутский совдеп и скоро будет очень сложно спасти золото.

Так и оказалось. Не успели перевести стрелки на основной путь, как вдалеке затрещали винтовочные выстрелы. Надо было торопиться! Надежд оставалось мало...

Сбив замки вагона, офицеры заскочили внутрь. Ровными ящиками до потолка вагона высились сокровища русской нации.

– Вагон на конную тягу! – скомандовал Мизинов. – Вдоль линии охранение!

С десятков кавалеристов стали впрягать могучих першеронов в вагон. Впрягли. Вагон дернулся, качнулся – и пошел.

Остальные бойцы, проскакав вдоль линии, залегли и открыли стрельбу по приближающимся совдеповским цепям. Вокруг завизжали пули, лошади, сраженные наповал, хрипели и в агонии валились в снег. Бойцы примостились за ними, как за укрытиями, и вели огонь.

– Быстрее, господа! – торопил Мизинов офицеров, погонявших лошадей. Но вот наконец вагон на достаточном удалении от стрельбы. Но еще с полчаса офицеры сдерживали натиск совдеповцев, пока не убедились, что вагон уже далеко. Нужно было торопиться: красные ни за что не оставят такой лакомый кусок. И когда вдалеке, над глухой тайгой, вдруг взвилась красная ракета, бойцы заслона поняли: можно сниматься. Но уйти удалось не всем: около сорока человек навсегда остались лежать в холодном снегу возле трупов лошадей.

Вагон потащили на север, к полустанку Ухтакут, откуда до армии было уже рукой подать...

В начале марта 1920 года части пепеляевской армии со спасенной частью золотого запаса Российской империи вошли в Читу и были преобразованы во Второй корпус армии генерала Вержбицкого. Золото было отдано под личную ответственность генерал-майора Мизинова. Вагон на запасных путях станции Чита дено и ночью охраняла рота пепеляевских бойцов. Ключей от замков на вагонах имелось всего два. Один хранился в штабе командующего армией генерала Вержбицкого (однако без ведома Мизинова никто этими ключами воспользоваться

не мог). Второй был укромно спрятан в квартире Мизинова на окраине Читы, в купеческом домишке, где квартировал генерал.

...После совещания в избе купца Махлатых Мизинов вдруг почувствовал, что смертельно, невыносимо устал. И только теперь отчетливо осознал, какую большую работу он выполнил тогда, зимой девятнадцатого, на станции Айшет – работу, которой одной хватило бы, чтобы оправдать свою жизнь, чтобы не стыдно было перед матерью и людьми. Вся остальная его жизнь – все войны, бои, наступления, отступления, окопная сырость, тиф, кровь и смерть, смерть, смерть без конца – все это теперь вдруг показалось ему совершенно ничтожным перед тем, айшетским делом.

«Боже, как это прекрасно получилось тогда! – думал Мизинов по пути домой. – Сколько на эти деньги можно сделать! Помочь стольким ветеранам армии! Построить школы, больницы, дома! Это все нам очень пригодится, когда мы укрепимся в Забайкалье!»

В то, что в Забайкалье белая армия сумеет прочно и надежно укрепиться – Мизинов тогда совершенно не сомневался.

«Немного отдохнув, бойцы придут в себя. В это время купцы и прочие воротилы внесут крупные суммы денег в общее дело. Атаман Семенов – человек твердый и решительный, он обязательно поможет, власть его в Даурии² крепкая...»

Мизинов вновь подумал об атамане Семенове. Вспомнил, как он совершил в Чите переворот, разогнал штаб народной революционной армии и сформировал надежные полки из забайкальского казачества. Семеновский штаб всю войну до прихода каппелевцев стоял на месте, поэтому внутренний порядок во всем гарнизоне сохранился старый, включая офицерские традиции.

В то же время перспективы остальной, большей, части России представлялись Мизинову совершенно ужасными. Это хаос, хаос и мрак!

«А может быть, он прав? – с ужасом подумал Мизинов, вдруг вспомнив Суглобова и его анархистские теории. – Может, народец наш только того и заслужил за все годы богоотступничества и цареворства? Может, это ему в наказание? А потом, после страданий – очищение, всеобщее счастье? Что же, значит, прав Суглобов? Он полагает, что после таких страданий счастливыми могут быть лишь самые избранные. Не к ним ли причисляет себя этот анархист? И куда они причисляют нас? Впрочем, куда бы ни причисляли, покоряться их распорядку нелепо».

Мизинов на минуту задумался, но тут же нашел выход: «Бороться, сражаться. Придется насмерть – значит, насмерть. Мне не привыкать, я с четырнадцатого в окопах. Уже почти шесть лет...»

Своего однополчанина, пулеметной очередью в ногу отправившего его в госпиталь осенью шестнадцатого, Мизинов вспоминал часто. После той очереди Суглобов как сквозь землю провалился. Атака, как всегда, захлебнулась, противники вернулись на свои позиции, но вот офицер-анархист исчез. Ни слуху, ни духу. Мизинов не таил против него никакой злобы, но порой с интересом спрашивал себя: как бы он поступил, если бы на его пути вдруг встретился Суглобов?

«Кто он сейчас – друг, враг? – размышлял генерал, уже подходя к квартире. – А впрочем, скорее всего, у таких не бывает ни друзей, ни врагов. Только выгода».

Подойдя к дому, он постучал тяжелым дверным молотком в забор. Часовой спросил пароль, Мизинов отозвался, и дверь забора тяжело отворилась. Генерал перешагнул через порог, вошел во двор и увидел под папахой колючие глаза незнакомого человека. Странно! Всех своих постовых он знал, а этого... Во дворе было тихо. Не таявал Байкал, всегда радостным лаем встречавший Мизинова...

² Даурия – самоназвание Забайкалья.

Тяжёлый удар по голове прервал его сомнения, и Мизинов повалился навзничь. Но двое уверенно подхватили его и поволокли в дом, тревожно озираясь по сторонам.

2

...Тяжело открыв глаза, Мизинов увидел низко склонившееся над ним заросшее лицо. Но даже и под пышной шевелюрой и косматой бородой он сумел узнать человека, который когда-то отправил его в госпиталь. Хотел, правда, отправить подальше и навсегда, но не выпало ему.

Сейчас на Суглобове была распахнутая офицерская шинель, поверх нее – развязанный офицерский башлык, из-под которого выступал чистый, без звезд, полковничий погон. Волосы на голове гладко прилизаны, будто набриолиненные. Рядом с ним, немного поодаль, стоял второй налетчик, ражий мужик в длинном нагольном тулупе и бараньей шапке, надвинутой на глаза.

«Помяни дурака, он и явится», – грустно подумал Мизинов и закрыл глаза. Голова раскалывалась.

– Здравия желаем, ваше превосходительство, – откуда-то издалека донесся ехидный голос Суглобова. – Столько годков я жаждал встретиться с вами, и вот Господь привел-таки...

– Наверное, поблагодарить за то, что от опасностей разведки вас избавил? – выдавил из себя Мизинов, открыл глаза и пробовал дернуться, но тщетно: по рукам и ногам его стянули крепкими ремнями.

– И за это тоже, – кивнул Суглобов. – А более всего за золотишко.

– Какое золотишко? – Мизинов вдруг понял, что если что и может спасти его теперь, то только время. И он решил играть в «дурачка».

– Полноте, Александр Петрович, будто сами не знаете! – Суглобов даже смутился как-то. – Того самого, что вы от колчаковского состава отцепили да к своим приволокли.

– Так на что вам я? – Мизинов постарался показаться удивленным. – Этот вагончик бойцы ох как старательно охраняют! Может, вам к ним лучше обратиться? Может, сговоритесь. Насколько я вас помню, вы всегда умели найти подход к бойцам...

– Я всегда ценил вас, Александр Петрович, как остроумного человека, – уже серьезнее заговорил Суглобов. – Но теперь, видите ли, время совсем нешуточное.

– Согласен, – кивнул Мизинов. – Я все эти годы вовсе не шутил, недосуг как-то было...

– Про ваши подвиги мы слышаны, – усмехнулся Суглобов. – Мы ведь, почитай, с вами бок о бок воевали с девятнадцатого года.

– Вот как? – Мизинову удалось изобразить во взгляде и голосе непритворный интерес. – И где же?

– Долгая история, – махнул рукой Суглобов, присел на край кровати, в ногах у Мизинова, и начал рассказывать.

«Слава богу, – подумал Мизинов, – пусть поболтает, – а там...» – что будет «там», он, впрочем, и сам не знал, но проволочка успокаивала как-то, помогала сосредоточиться и отыскать выход.

«Наверняка, вся охрана перерезана, так что кричать бессмысленно. Но что-то делать надо. Думай, думай, – подгонял он себя. – А пока пусть этот болтает».

– Поначалу, после февраля, – начал Суглобов, – встретился я со своими друзьями-однопартийцами, ну, я вам как-то рассказывал, – и Суглобов неловко повернулся к скованному так, что Мизинов слегка поморщился. – Ах, простите, временные неудобства, но так ведь что поделаешь? Потерпите, расслабьтесь. Кричать, впрочем, бесполезно: вся ваша охрана уже того, – он провел ребром ладони по горлу, – на небесах или где там еще... Ну вот. Пошалили мы немного, помещиков пограбили, кассу приличную сколотили. Пока не пришли большевики. Умный тогда сразу понял: эти сюсюкаться не станут, произвол и анархию терпеть не будут. Кто поумнее – переметнулся к ним...

– И вы в том числе? – перебил Мизинов.

– Вы догадливы, – улыбнулся Суглобов. – С такой приличной кассой они меня за милую душу своим признали. Да еще комиссаром назначили. Так вот с тех пор я и комиссарю у них, в Пятой армии Тухачевского, знаете такого?

Мизинов даже поморщился при упоминании этого имени. Увы, судьба сложилась так, что за последний год командарм Тухачевский нанес белой армии большие потери, привел ее почти к полному уничтожению. Если бы не Каппель, армии как таковой уже не существовало бы. «Ему просто везло, этому Тухачевскому, – закрыв глаза, подумал Мизинов. – Удивительно, сказочно везло. Были ведь и у нас полководцы не хуже...»

– А погоны – для маскировки? – вдруг спросил он Суглобова.

– Естественно, – кивнул Суглобов, слегка погладив золото погона. – При царе-батюшке я лишь до штабс-капитана смог дослужиться.

– Зато у красных – до главного идеолога, – съязвил генерал.

– Да полноте, Александр Петрович, какого там главного! Всего-то комиссар полка. Ну, мы отвлеклись. Так вот, к главному предмету нашему. За золотишком колчаковским охотились мы давно, – журчал Суглобов. – И вот наконец захватили его, с помощью братьев наших – чехов. Но тут вы с вашим дерзким партизанским налетом! И немалая часть запаса ушла. А на эту часть, вы сами знаете, какую силу можно организовать...

– Знаю, – ответил генерал.

– Так что вот так, Александр Петрович, пришла пора вернуться к исторической справедливости, – продолжал Суглобов.

– К какой это справедливости? – спросил Мизинов. – К восстановлению монархии, что ли? Тогда мы с вами союзники.

– Ах, бросьте, ваше превосходительство, какая теперь монархия! Кто теперь в политику-то играет?

– Ну, кто-то наверняка играет! – возразил генерал.

– Не я, только не я! – вспыхнул Суглобов, будто больше всего хотел, чтобы пленник поверил ему.

– Ладно, пусть не вы, – устало ответил Мизинов. – О какой же справедливости вы обмолвились только что?

– Как о какой? – у Суглобова даже глаза на лоб полезли от такой несообразительности Мизинова. – О золоте! О золоте, конечно! О том отбитом вами вагоне!

– И что же говорит вам ваше чувство справедливости?

– Как что?! Ну, Александр Петрович, вы сегодня весь вечер заставляете меня удивляться! А помнится, такой сообразительный офицер были.

– Да уж вы больно афористичны, Суглобов! Я человек военный, все афоризмы война из меня повышибла, так что давайте-ка лучше без них!

– С превеликим удовольствием, ваше превосходительство! – оживился Суглобов. – А если без афоризмов, то тогда напрямую. Дело в том, что нам нужен этот ваш вагон с золотом!

– Кому нужен? Красным? Тогда наш разговор бесполезен и можете меня застрелить.

– Ну что вы, ваше превосходительство, так уж сразу и красным! – заелозил на койке Суглобов. – Красным отвалим так, для проформы. У них и так целый состав колчаковский имеется. А бедным самоотверженным труженикам великой войны, которые крови не жалели ради лучшего будущего – им-то что? Дулю? Вот на это-то я и не согласен, милый вы мой Александр Петрович, уважаемый фронтовой мой командир!

– Ну если ради вас... – в голове Мизинова уже созрела и приобрела окончательную форму одна идея. Спасибо болтуну Суглобову, что дал время на раздумье. – Только уговор, господин штабс-капитан, – Мизинов перешел на шепот и слегка скосил глаза на здорового напарника Суглобова.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, это совершенно свой человек, сугубо наш, – Суглобов заметно оживился в предвкушении удачи. – Так как же?

– Вы ведь понимаете, что дни белых сочтены?... – начал Мизинов.

– О, еще как сочтены! Можно сказать – к нулю сведены, к этакому малюсенькому, тощенькому нулику...

– Ну, так вот, может случиться так, что и мне придется схорониться где-нибудь... ну, в Монголии, например...

– Не советую, Александр Петрович, не советую, – защебетал Суглобов. – Монголия скоро тоже станет красной. Есть там батыры такие, живчики. Уж лучше в Американские штаты бежать...

– Но ведь деньги нужны... – подыгрывал Мизинов.

– Понимаю, понимаю, – закивал Суглобов. – Денег на пароход до Сан-Франциско я вам дам, так и быть. За все наше прошлое фронтовое братство. Ну, и на первое житье кое-что. Вы ведь человек серьезный, сможете со временем там развернуться, основательно обосноваться. Американцы любят трудолюбивых, – ерничал Суглобов.

– Ладно уж, поверю вам на слово, хотя тогда, в атаке... – заикнулся Мизинов.

– О, тогда совсем другое было! Тогда я всей идеологии вашей, монархической, не признавал. Это было, уж извините, скорее из идейных соображений. Да и что, плохо разве, ваше превосходительство, что вы несколько месяцев отдохнули от фронта-то, а?

– Разве что, – кивнул генерал. – Итак, вам нужны ключи от замков на вагоне, так?

– Совершенно верно, ваше превосходительство, совершенно верно! Мы могли, конечно, и без вас тут пошарить, но вы понимаете, хозяин лучше знает, где что хранится...

– Да и без пользы провозились бы, – сказал Мизинов. – Ключи спрятаны очень укромно.

– Ах, на худой конец можно было и к генералу Вержбицкому наведаться под видом эстафеты какой-нибудь, – не унимался Суглобов. – Знаете, наверное, про подвиги Олеко Дундича, как он с самым завидным хладнокровием проник в штаб к Деникину и передал ему письмо Буденного?

– Наслышан, – подтвердил генерал. – Шпионы у вас отменные. Мы, к сожалению, похвастать такими не можем.

– Ваша беда. Куда нынче без шпионов-то?

– Ближе к делу, Суглобов. Если я ключей вам не дам, вы меня застрелите?

– Увы, война есть война, ваше превосходительство.

– А если отдам, поделитесь золотишком?

– Слово офицера! – Суглобов встал по стойке «смирно», и даже полковничий погон на его плече сверкнул ярко и ослепительно.

– Ну, так тогда развязывайте меня – и пошли!

– А вы нам так скажите, – настаивал Суглобов.

– Нет, Суглобов, так не получится, – отрезал генерал. – Такие вещи просто так не хранятся.

Суглобов подумал полминуты, переглянулся с ражим мужиком, тот кивнул ему, и Суглобов согласился:

– Ладно, генерал! Только без шуточек! У нас наганы!

– Надо полагать, – усмехнулся Мизинов.

Они ослабили ремни на его руках и ногах. Мизинов встал, немного размял тело под наставленными на него револьверами. Потом кивнул в сторону кухни:

– Это там!

– Рыжков, иди первым! Вы, генерал, – за ним! И поживее!

Они вошли в кухню. Мизинов подошел к люку подпола и кивнул:

– Там.

– Залезайте! – приказал Суглобов.

– А вы не боитесь? – усмехнулся Мизинов. – Запоры там крепкие. Закроюсь от вас и выберусь через потайной ход. Есть там и такой.

– Резонно, – сообразил Суглобов. – Рыжков, лезь первым!

Ражий детина открыл крышку люка и стал осторожно спускаться по приставленной лесенке. Вот он совсем скрылся в глубокой темноте. Но Мизинов знал: наган Рыжкова направлен на него. Действовать нужно безошибочно...

– Теперь вы, генерал! – торопил Суглобов.

– Конечно, – согласился Мизинов и поставил одну ногу на первую ступеньку лесенки. Но вдруг остановился и сказал: – Что же это мы? Без лампы-то? Там темно, как в преисподней. Так ведь, Рыжков? – крикнул он вниз.

– В преисподней не был, но не видать ничего, это точно! – отозвалось из темноты.

– Ну вот. Суглобов, видите на столе керосиновую лампу? Припустите огонек и подайте ее мне.

Пятясь задом, Суглобов подошел к столу, встал вполоборота к Мизинуву, по-прежнему направляя нагана на генерала одной рукой, другой подкрутил фитилек лампы. Огня прибавилось. Он взял лампу и шагнул к люку.

– Давайте мне, потом спуститесь сами, – и Мизинов протянул руку за лампой.

Суглобов пригнулся, подавая керосинку. Но едва коснулся ею руки Мизинова, генерал собрал всю силу в одно движение и резко ухватился за край Суглобовской шинели, так что лампа вылетела из его рук и стукнулась об пол. Сильный рывок – и налетчик полетел в зияющую пустоту подпола. Что-то сгрохотало, потом раздался выстрел. Но Мизинов успел броситься в сторону. Ногой захлопнул крышку люка и подвинул тяжелую задвижку, просунув ее под скобу у края люка. Налетчики оказались в ловушке. Прозвучало еще несколько выстрелов.

– Палите, палите, господа! Дуб крепкий, не поддастся! – крикнул Мизинов, затоптал начавшее разливаться из лампы огненное пятно и выскочил в сени. Там возле двери висела его португеза. На счастье, в кобуре торчал наган.

«Сыщики, мать вашу растак!» – радостно выругался генерал и выскочил во двор.

Он бежал к воротам, на ходу заметив, что двое часовых лежат в нелепых позах по разные стороны ворот. «Зарезали, сволочи!» Выскочив за ворота, он стал палить из нагана. Через пару минут к нему подскакал казачий караул.

– Я – генерал-майор Мизинов! На меня совершенно нападение. Налетчики в ловушке. Спешивайтесь, казачки! А вы, урядник, живо в штаб, пусть шлют усиленную охрану.

Урядник козырнул и резво направил коня в штаб армии.

Казачи стали спешиваться. Но вдруг в доме раздался оглушительный взрыв. Кухонное окно брызнуло мелким стеклянным звоном. Страшная догадка пронеслась в голове Мизинова.

– Быстрее в дом! – крикнул он казакам, и они побежали через двор. Вбежали в кухню – люк подпола был разворочен взрывом гранаты, окно в другую сторону двора выбито, на подоконнике – комки грязи от сапог. В осколках стекла в оконной раме – зацепившийся башлык Суглобова.

Мизинов подбежал к разбитому окну и всмотрелся в темноту.

– Мразь! – ударил он кулаком по подоконнику. – Урядник, – обратился он к казаку, – срочно вон туда, через огороды, к речке. Их двое. Надо задержать. Лучше живыми! – хотя сам совсем не верил в погоню.

Урядник взял под козырек и кинулся из избы.

– Поздно, ах, поздно! – корил себя Мизинов, молотя кулаком по подоконнику. – Граната... У них была граната!..

3

Вскоре Мизинов сидел в кабинете генерала Вержбицкого и рассказывал про случившееся.

– М-да, – покачивал головой командующий армией, – положение не из приятных.

– Ужасно то, что попытки овладеть золотом могут повторяться, – вставил Мизинов.

– Да-да, – согласился Вержбицкий. – И потому единственно правильным, милостивый государь Александр Петрович, я считаю вот что...

Командующий немного помедлил, будто не спешил раскрывать свои планы. Налил кипятку в стакан, предложил Мизинову. Тот поблагодарил и отказался, напряженно всматриваясь в лицо Вержбицкого.

– Господин генерал-майор, мы все знаем вас как, пожалуй, одного из толковых генералов нашей армии, – издали начал Вержбицкий. – Вы и сами, наверное, не мыслите себя нигде, как в строю, верно?

Мизинов ожидал чего угодно, только не такого разговора. Он вскочил на ноги:

– Григорий Афанасьевич...

– Александр Петрович, голубчик, поверьте, дело, которое мы собираемся поручить вам, гораздо важнее вашего пребывания здесь, в Забайкалье, – и Вержбицкий тяжело опустился в кресло рядом с Мизиновым. – Ведь какая теперь ситуация, посудите сами. Мы не знаем, что творится сейчас на юге у Деникина, не знаем, что делает генерал Юденич на севере. А где сейчас находится атаман Дутов с оренбургскими казачьими полками? Да и наша армия за Сибирский поход потеряла много верных борцов. И, как видите, нас уже прижимают к китайской границе. Однако это не значит, что все потеряно. У нас есть еще Приморье – отличнейший для нас плацдарм для дальнейшей борьбы с большевиками. Эта борьба может принять затяжной характер, а выигранное время будет для нас хорошим лекарством. Наша армия будет перевезена в Приморье по Маньчжурской железной дороге, а у красных только один путь по окружной Амурской железной дороге. Здесь очевидный выигрыш во времени, вы согласны?

– Да, но...

– Не спешите, Александр Петрович, – мягко прервал его командующий. – Миссия, возлагаемая на вас, повторяю, стратегически гораздо важнее вашего здесь пребывания. Поверьте, сейчас армия будет заниматься исключительно хозяйственными вопросами. В Чите не хватает многого из того, что нужно бойцам. Городская бойня по забою скота, например, не может удовлетворить всю армию мясом. Что, назначить вас главным мясником армии? В казачьих полках нужно приводить в порядок конский состав. За время Сибирского похода много коней выбыло из строя. Сильно истощенных нужно поправлять нормальным питанием, выводкой и чисткой. Коням нужно продолжительное лечение. Кроме этого, у бойцов много забот об обмундировании: перешить гимнастерку, пригнать шинель. Надо сделать перетяжку казенным сапогам, чтобы сидели на ноге красиво, да мало чего там еще наберется! Что же, станете интендантом? Да еще с японцами проблемы. Разве нам не больно видеть здесь маленьких солдатиков в хорошем обмундировании, твердо отбивающих ногу, когда мы вчера еще ходили по лужам в валенках? Или видеть японских офицеров, гарцующих на породистых английских лошадях в диагональных кителях с аксельбантами на плечах! Разве это все не причиняет боль нашим ранам? Кто их сюда просил? По сведениям, будто бы в Приморье и Забайкалье находится одна дивизия японцев под командованием генерала Сузуки, и она великолепно оснащена. А какова их цель, мы не знаем. Нам неизвестна и политика японского правительства. Может быть, они уже заключили альянс с большевиками. Предъявят нам сложить оружие и предадут нас большевикам, как предал французский генерал Жанен адмирала Колчака в Иркутске...

– Господин генерал, мне хорошо знакомы хозяйственные тонкости армии и немного политическая ситуация. Хотя... хотя я, конечно, прежде всего боевой офицер и должен подчиняться приказу. Что от меня требуется?

– Скрыться! – ответ Вержбицкого был настолько шокирующим, что Мизинов сначала подумал, что ослышался. Он застыл с раскрытым ртом, напоминая набитое соломой лупоглазое чучело совы в кабинете таксидермиста³.

– Вы не ослышались, Александр Петрович, – улыбнулся Вержбицкий. – Именно скрыться. С золотым запасом, спасенным вами под Айшетом.

– Но куда?

– В Китай. В Харбин. В полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Слава богу, это наша территория.

Мизинов и вовсе лишился речи. Вержбицкий помолчал минуту-другую, покуривая сигарету и внимательно глядя в глаза Мизину. Тот пребывал в глубоком раздумье.

– Я понимаю, – вдруг откликнулся он, словно вернулся из небытия. – Золото нужно спасать...

– Именно, дорогой вы мой Александр Петрович! Именно! И никто лучше вас этого не сделает! – Вержбицкий поднялся с кресла и встал перед Мизиновым. – Вы отбили золото, вам его и охранять. Вот ваша миссия – достойная ваших прежних заслуг, но куда более ответственная! Впереди новые сражения. Когда армия окрепнет в Приморье, ей понадобятся деньги. Немалые деньги. И хорошим заделом будет та сумма, которую охраняют сейчас бойцы вашей армии.

– Господин генерал, но почему именно в Китай? Почему не в то же Приморье? – спросил Мизинов.

– Видите ли, Александр Петрович, Приморье наводнено красными шпионами. А еще в Приморье хозяйничают японцы. Я понимаю, что вы в хороших отношениях с Григорием Михайловичем Семеновым, – улыбнулся Вержбицкий. – Но атаман забайкальцев, делая ставку на японцев, в своем упрямом азарте способен, как бы это помягче выразиться...

– Говорите прямо, господин командующий, мне знакомы сепаратистские устремления атамана Семенова.

– Вот-вот, вы сами и ответили, дорогой Александр Петрович, – радостно согласился Вержбицкий. – Кто поручится, что Григорий Михайлович не попытается умыкнуть российское золото для своих, корыстных целей? Вы смогли бы поручиться за него? – командующий внимательно глядел в глаза Мизина.

Тот размышлял секунду-другую.

– Я готов, ваше превосходительство, – ответил наконец Мизинов и поднялся.

– Благодарю, Александр Петрович, другого ответа я не ожидал от вас, – Вержбицкий подошел к столу, порылся в каких-то бумагах и, подняв взгляд на Мизина, спросил:

– Вы что-нибудь слышали о Петре Александровиче Куликовском? Я хочу вас с ним познакомиться.

Мизинов вспоминал секунду-другую, его цепкая память почти сразухватила из прошлого громкое дело, связанное с этим именем.

– Это уж не тот ли, из правых эсеров? – спросил он наконец.

– Из бывших, Александр Петрович, из бывших, – осторожно поправил его командующий.

– Не важно, но ведь это он участвовал в покушении на великого князя Сергея Александровича⁴?

³ Таксидермист – профессиональный изготовитель чучел животных.

⁴ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) – пятый сын Александра II, московский градоначальник, генерал-губернатор. Погиб от бомбы террориста Каляева.

– Был за ним такой грешок, – согласился Вержбицкий. – Вернее, он лишь наблюдал за великим князем, а убил его, как вам известно, Иван Каляев. Куликовский в то время был тесно связан с Савинковым...

– Ваше превосходительство, – поморщился Мизинов, – и с такими людьми... вы сотрудничаете?

– Дорогой мой Александр Петрович, – Вержбицкий подошел к Мизинovu, мягко обнял его за плечи и слегка придавил, приглашая сесть на диван. Сам сел рядом. – Время монархии прошло...

Мизинов непроизвольно дернулся.

Вержбицкий заметил этот жест и сказал мягче:

– По крайней мере, пока не видится возможностей ее восстановления, вы же знаете. Больно круто большевички разделились с Учредительным собранием. Так что пока нам любые попутчики хороши, кто против красных. Вы согласны со мной, Александр Петрович? Ну, в самом основном, принципиально? – настаивал командующий.

Мизинов молчал.

– Да, – продолжал командующий, – его прежняя «революционная» карьера весьма несимпатична, весьма. Ну, к примеру, избежав после убийства великого князя ареста, Куликовский, придя на прием к московскому градоначальнику графу Шувалову в июне пятого года убил его из револьвера. Осужденный Московским окружным судом к смертной казни через повешение, Куликовский, после подачи прошения о снисхождении на высочайшее имя, отделался каторжными работами без срока. Позднее наказание было снижено до пятнадцати лет каторги, а в одиннадцатом году он был выслан на поселение в Забайкалье. Работал в торговой фирме тамошних купцов Солодовых. С тех пор от политики совершенно устранился. Читает лекции бурятам и монголам. Но самое главное, Александр Петрович, он люто, свирепо ненавидит большевиков. Считает их узурпаторами. Впрочем, он прав, не так ли?

– И какую же роль вы отводите этому переkreщенцу в деле, насколько я понимаю, связанном с моей предстоящей миссией? – вместо ответа резко спросил Мизинов.

– Вы вместе с ним отправитесь в Харбин, он прекрасно знает город и некоторых весьма полезных нам людей в Маньчжурии. Работая на Солодовых, он по долгу службы часто бывал в Харбине. Его, можно сказать, каждая собака там знает. О золоте не беспокойтесь – оно целиком под вашим контролем. К тому же вам выделяют роту надежных бойцов. Дело Куликовского – доставить вас в Харбин, помочь там обосноваться. Займетесь ремесленничеством, например, приторговывать станете, лавку откроете. Придет время – и золото, и лично вы, Александр Петрович, нам очень, очень понадобятся.

– Если так, я согласен, ваше превосходительство, – Мизинов поднялся, одернул китель. – Когда я увижу этого Куликовского?

– Да хоть сейчас, – с улыбкой ответил Вержбицкий. – Он у меня тут, в штабе, кое-какие дела выправляет. – Господин капитан! – крикнул командующий, открыв дверь в канцелярию, – позовите ко мне господина Куликовского!

Через минуту в кабинет Вержбицкого мягкой, но уверенной походкой вошел невысокий лысеющий человек в очках. На вид Мизинов дал бы ему лет шестьдесят, но, очевидно, он был моложе. Возможно составленное прежде впечатление об этом человеке сыграло роль, а может быть, Мизинovu не понравился какой-то пошлый, ехидный вид этого господина, но Куликовский с первого взгляда пришелся ему не по душе.

«Вот что делает с людьми время и несправедная жизнь, – подумал Мизинов и вспомнил, что предрекал таким субъектам святитель Игнатий (Брянчанинов): „Во всю свою жизнь будут смахиваться в шельмовство!“ Дай-то Бог, чтобы в Харбине у меня с ним все кончилось».

– Петр Александрович, я рад вам представить героя нашей армии – генерал-майора Александра Петровича Мизина! – представил командующий.

Мизинов и Куликовский пожали друг другу руки. Мизинов – с легким презрением, которого, однако, постарался не выказать, Куликовский – с явным заискиванием.

– Мы слышаны о подвигах его превосходительства, – льстиво и вкрадчиво, каким-то треснувшим, сухим гортанным голосом проговорил Куликовский. – Мне лестно, что предстоит иметь дело с таким отважным человеком.

«Научился спичи-то говорить на своих политсобраниях! – мелькнуло у Мизинова. – Тебя бы на фронт, под пулеметики, голубчик, я бы там послушал твои речи...»

– Присаживайтесь, господа! – пригласил Вержбицкий. Мизинов и Куликовский сели на диван, Мизинов при этом намеренно, едва заметно отодвинулся от Куликовского на другой конец. Командующий сел на стуле за своим широким столом, покрытым малиновым сукном.

– Петр Александрович, посвятите, пожалуйста, господина генерала в ваш план вывоза его в Харбин, – предложил Вержбицкий.

– Наше предприятие есть большая военная тайна, но я вам доверяю, – без всяких предисловий начал Куликовский, переглянувшись с Вержбицким. – Да, вообще-то, кто прошел Ледяной поход и пришел сюда – люди честные, а шкурники и слизняки все остались там. Завтра мы пересечем с вами и с ценным обозом монгольскую границу. Наши паспорта на другие имена у меня в кармане, деньги на дорогу и на первое время, чтобы обосноваться, получены. Обмундирование мирного жителя для вас есть. До границы здесь около двухсот верст. На границе почти нет никакой охраны. Забайкальские казаки с монголами в большой дружбе, и дней через пять мы будем в Монголии. Еще через неделю – в Харбине. Правда, это путь довольно длинный, но зато самый верный.

– Наша миссия не без риска, – откликнулся молчавший до этого Мизинов. – Куда мы денем наши благородные лица, если они даже будут неумытыми и грязными? Глаза, интонация голоса, манеры и речь могут нас выдать.

– Для этого нужно быть хорошим гримером, а простые народные выражения меня не затруднят. У меня большой лексикон народных слов. К тому же мы едем как русские коммерсанты – в паспортах так об этом и сказано. А проводником едет с нами местный житель, бурят Осипов. Не волнуйтесь, Александр Петрович, все будет в полном порядке и произведено совершенно деликатно. Собирайтесь. – Куликовский поднялся, еще раз протянул руку Мизинову, поклонился Вержбицкому и вышел.

– Ну что, дорогой Александр Петрович, сегодня отдохните хорошенько, а с утра в добрый путь! – Вержбицкий подошел к Мизинову и приобнял его за плечи: – Да, вот еще что. Тут, как говорится, и стены слышат. Так что только так, – генерал взял со стола запечатанный сургучом пакет и подал Мизинову: – Здесь пароль. Вскроете только в Харбине. Затвердите текст назубок. Если однажды к вам подойдет кто-нибудь и произнесет эту фразу, знайте: этому человеку можно довериться. Ну, – Вержбицкий перекрестил Мизинова и добавил: – Счастливо вам добраться. Храни вас Господь!..

Глава третья. 1921. Сентябрь

1

– Лександра Петрович, отоприте! – в дверь тихо, но настойчиво постучали.

Мизинов узнал голос и подошел к двери. Лязгнула щеколда в проушине, и в комнату напористо ввалился медведеобразный хорунжий Маджуга, коренастый, как боровичок. Он был в полном казацьем облачении: в папахе, гимнастерке и шароварах, с шашкой и наганом на портупее.

– Значит, так, Лександра Петрович... – едва переводя дыхание, затараторил Маджуга. – Давно мне блазилося, что на золото наше кто-то глаз положил... да все отгонял от себя мысли те... думалось – и впрямь блажь... А тут... И-э-эх! – он махнул рукой и грузно рухнул на лавку возле печи. Кованая ножка от тяжести подогнулась, и хорунжий едва сумел сохранить равновесие. Однако резво вскочил, неловко перебирая потерявшими опору ногами. Но наконец остоялся, нагнулся, схватил лавку левой рукой, правой как ни в чем не бывало распрямил ножку, однако садиться уже не стал.

– Ты чего поел-то сегодня, Арсений? – рассмеялся Мизинов. Маджуга, засмуцавшись, топтался на месте, переминаясь с ноги на ногу.

– Позвольте, я дверь-то все же притворю, – хорунжий повернулся к Мизинovu спиной, и генерал в который раз подивился широкости и крепости этого забайкальского казака.

В прошлом году, когда он увозил из Читы золото, генерал Вержбицкий дал ему в охранение полусотню забайкальских казаков, командовал которой этот самый Маджуга. Поначалу Мизинovu казались странными повадки кряжистого казака, его внешняя вульгарность, дикие для него, уроженца Ярославщины, словечки хорунжего, да и сам этот будто ископаемый офицер. Но потом, во время долгого пути в Харбин, генерал не раз убеждался в стойкости, личной храбрости и беззаветной преданности этих людей тому делу, которому они однажды присягнули.

А что касается Маджуги, то он за это время стал для Мизинова, наверное, самым настоящим другом – надежным и верным. А началось все с того бурного перехода через одну из горных речек в Забайкалье. Под одной из телег, до отказа груженной ящиками с золотом, вдруг треснул и провис тоненький мосток, кобыла испугалась, забила копытами, от чего дощечки мостка посыпались, как зубы из гнилого рта, телега накренилась и вот-вот готова была провалиться в неглубокий, но бурный поток. Ищи потом золото в мутном водовороте!

Заметив это, Маджуга, принимавший лошадей на другом берегу, скинул с плеч барчатку⁵, с разбегу кинулся в воду и подоспел к готовой рухнуть телеге как раз вовремя. Крепким плечом он подпер подводу снизу и зычно крикнул казакам:

– Сымай ящики! Живо айда!

Станичники все как один бросились к подводе, и в один миг драгоценный груз лежал на берегу. Остальное золото переносили на руках через поток. По пояс в ледяной воде, казаки работали дружно, молча, стиснув зубы. А потом лежали на берегу, скинув амуницию и греясь у разведенных больших костров...

В Харбине удалось устроиться основательно. Надежные люди сделали Мизинова купцом Усцелемовым, выделили ему две лавки скобяных товаров, извозчицью контору почти в центре

⁵ Барчатка – короткий казачий полушубок, отороченный мехом, еще называемый романовским полушубком.

города, пару цинковых приисков за городом, подыскали и хорошую скрыню для золота. Мизинов сперва не понял:

– Что такое «скрыня»?

Доброхоты понимающие переглянулись между собой с едва заметной улыбкой и ответили вопросом:

– Ваше превосходительство знает, конечно, что такое банк? Так вот, скрыня – это лучше банка. Там ваше золото пролежит в целости столько, сколько потребуется вашему превосходительству.

Мизинов бросил на них быстрый взгляд, выражавший недоверие. Они выдержали, не отвели глаз:

– Господин Куликовский во всем нам доверяет, можете не беспокоиться...

Золото схоронили в глубоком подвале под одной из скобяных лавок купца Усцелемова. На крышке люка повесили полупудовый амбарный замок – из того добротного товара, которым торговал «купец». А караулили подвал по двое маджуговских казаков, сменяемых через шесть часов. И так круглые сутки. До сих пор Мизинов за золото не беспокоился. Но что вдруг сегодня взволновало Маджугу?

– Садись, Арсений, – Мизинов прошел в светелку и пригласил Маджугу за стол. – Что случилось?

– Дак случилось, Лександра Петрович, случилось! – хорунжий сел за стол, снял папаху, вынул платок и вытер крупные капли пота на лбу.

– Выпьешь? – предложил Мизинов и кивнул на графин с водкой.

– Куды пить-то, Лександра Петрович! Чую – неладное с золотом нашим! Ох, неладное!

– Да говори ясно, ты же военный человек, – Мизинов, хотя и не подавал вида, но тоже стал нервничать. Он знал: интуиция Маджугу не подводила.

– В моих людях, – хорунжий сделал ударение на втором слоге, – в них я не сомневаюсь! Но странно, однако, ваше превосходительство! Нынче замки проверил на голбце⁶ и ахнул! Замок-то не тот!

– То есть как не тот? – Мизинова пробрал резкий, острый озноб.

– Не тот, что утром был, когда Кандауров с Инчуковым заступали!

– Еще не легче! А кто сменял их? Кто сейчас стоит?

– Да нет, Лександра Петрович, в моих людях я не сомневаюсь, – опять затараторил Маджуга. – Но ведь странно! Новые стоят пару часов. Я решил проверить. А замок – не тот!

– А они что?

– Да не-е-т! Они бдят, как полагается. И никуда, говорят, не отлучались. Я им верю, верю, как себе...

– А кто-нибудь подходил к люку?

– Да говорят – никто.

– Они трезвы? – повысил голос генерал.

– Это вы зря, Лександра Петрович, вы ведь знаете...

Мизинов и сам понял, что погорячился: забайкальские казаки – по преимуществу староверы, и пьянка у них не в чести. А уж что касается служебных обязанностей и их четкого исполнения – то тут Мизинов не знал никого более ответственного, чем забайкальцы.

– Извини, Арсений, – смягчился Мизинов. – Ну а как сами они объясняют смену замка?

– Да никак не объясняют, нечем, говорят, объяснять-то. Сидят на лавочке, балабонят себе, никто головы не приклонит. А голбец-то – вот он, в двадцати метрах! Как перед носом!

– Они замок новый видели?

⁶ Голбец – погреб, подвал, подпол.

– Видели, когда я их подвел. Плечами поводят – и вся недолга. Замок другой – это видят. Но что никто его не менял – в этом хоть голову готовы на отсечение!

– Ну, погоди отсекай, их головы нам еще пригодятся, – Мизинов встал и, задумавшись, начал медленно ходить из угла в угол. Нет, в забайкальцах своих он тоже не сомневался. Все пятьдесят человек были, как на подбор, преданны, храбры и сметливы. Они поочередно несли службу по охране подвала, жили все вместе, в двух помещениях заднего двора скобяной лавки, но ни разу с ценным хранилищем ничего не случилось.

«Вне всяких сомнений, я доверяю им безраздельно», – думал Мизинов.

И все-таки подошел к стене, где висело верхнее платье, надел на жилетку короткий, без рукавов купеческий кафтан с поддевкой и застежками на крючках. Плисовые шаровары заправил в смазанные сапоги, плотно натянув их на ноги. На плечи накинул длинную суконную сибирку⁷, заученным за год движением лихо нахлобучил на голову кожаный картуз и на глазах превратился в заправского купца.

– Вылитые ваше степенство! – Маджуга развел губы в улыбке.

– Поехали, на замок поглядим! – и Мизинов вышел первым.

⁷ Сибирка – длиннополый, утепленный, из толстого сукна сюртук.

2

Генерал жил в добротном купеческом доме на окраине Харбина, в так называемой При-
стани. В обнесенном высоким тыном дворе стояла запряженная парой лошадей легкая бричка.
Из всех экипажей Мизинова она была для него самым любимым – легкая, рессорная, на быст-
ром резиновом ходу, с крытым кожаным верхом, обитая внутри мягким сукном. На козлах
брички егозил вертлявый китайчонок лет семнадцати. Он крутился из стороны в сторону, раз-
махивая кнутом, как шашкой, и все норовил угодить по-над ухом одной из лошадей, но так,
чтобы лошадь испугалась только, а не почувствовала боли. Лошадь прядала ушами, слегка
хрипела и фыркала, нервно переступая копытами.

– Ойхэ, перестань Бурку терзать! – осадил мальчонку Мизинов.

Генерал подошел к лошади, погладил ее по морде, успокаивая, дал кусок сахара и отто-
пырил шоры. Китайчонок стоял по стойке «смирно», преданно глядя на Мизинова.

– Отдохни, сегодня никуда не поедешь, – генерал похлопал его по плечу. – Мы вот сами,
с хорунжим. До лавки только доедем.

Ойхэ улыбнулся, низко поклонился и залепетал:

– Сыпасиба, айча, сыпасиба!

– Ну, будет, будет, Ойхэ. Ступай, отдохни.

Мальчонка убежал в дом, где жил в подсобном помещении с дворником и кучерами.

– Чего-то вы с ним ласково как-то, Лександра Петрович? – спросил Маджуга. – Не дове-
рили б шибко китайчатам этим, неверный народ, коварный до жути, уж поверьте старому забай-
кальцу! Мы с имя бок о бок который век перемогаемся, чтоб им неладно было!

– Что ты так о них?

– А как еще-то?! Помните, в одна тыща девятисотом году восстали они тут супротив нас?

– Помню, конечно. Боксерское восстание. Но восстали они не только против нас, но и
против Англии, против Германии...

– Вот, – кивнул Маджуга. – Я ведь говорю – изуверы!

Мизинов улыбнулся:

– Но ты-то тут при чем, Арсений?

– Как раз и есть, что при чем я тогда оказался! Мне тогда в лагеря в летние надо было
выходить в первый раз. А тут – война. Боксеры эти зачали Благовещенск бомбить через Амур.
Нас всех перволетков в эшелон – и туда, – Маджуга помолчал, потом успокоился и улыбнулся: –
Ну зато и повоевали мы! С тех пор, думаю, спесь-то сошла с их...

– Сошла, Арсений, сошла, – поддакивал Мизинов, устраиваясь на облучке: – Полежай
ко мне.

Маджуга кое-как угнезвился на одном сиденье с Мизиновым, и генерал пустил Бурку
легкой рысью. До центра города было версты две с половиной.

– А Ойхэ мне обязан жизнью, – возвращаясь к недавнему разговору, сказал Мизинов. –
По меньшей мере, жизнью своих родителей.

– Ну да?! – недоверчиво покосился на него Маджуга.

– Да, Арсений, да. Полгода назад я взял его третьим кучером по просьбе одного купца...

– Такого ж, как вы? – лукаво подмигнул Маджуга.

– Будь милостив, Арсений, не перебивай, – Мизинов шутливо шлепнул хорунжего по
колену. – Не такого – поименитее. Его фирма основана еще его отцом. Слыхал, наверное, –
«Куземов и компаньоны»?

– Слыхивал. Знатная фамилия.

– Ну, так вот. Ойхэ – матхэй. Есть в Маньчжурии такое племя – люди мужественные и
гордые, ловкие охотники на тигров.

Отец Ойхэ долго работал у Кузимова, сын с двенадцати лет жил тоже у купца. Потом отец заболел, работать стало трудно, и старик вернулся в родное селение. А у них существует что-то типа корсиканской вендетты...

– Чего-чего? – не понял Маджуга.

– Ах да, извини, Арсений. Это родовая месть такая. Если виноват, например, только дед, то мстить будут даже внукам и правнукам. И мстить жестоко...

– Бритвой по горлу – и в колодец?

– Еще суровее. Ну, ты же знаешь китайцев, у них богатые традиции казни. Деда Ойхэ, например, казнили так. Избили до полусмерти и бросили в большую железную клетку. Рядом положили копье. Потом впустили в клетку пойманного в тайге и вымученного голодом тигра. Зверь чует кровь, мчит к избитому. У того есть еще возможность обороняться – надо только бросить копье...

– Ну да! – и Маджуга резко взмахнул рукой, демонстрируя метание копья.

– Не все так просто, – перебил его Мизинов. – Возможность-то есть, да вот сил больше не осталось. И приговоренный к такой жуткой смерти с отчаянием понимает, что не только бросить копье, но даже поднять его сил больше нет...

– Я ведь говорил, ваше превосходительство, настоящие бессермены!..

– Маньчжуры – не мусульмане, Арсений.

– По мне все одно – нехристи!.. Но что же с мальчонкой-то?

– Так вот. Роду Ойхэ грозила такая же месть, уж не знаю, за что, не вдавался в эти дикие подробности. Отец испугался, что мальчика ждет жуткая смерть, и захотел хоть как-то уберечь его от опасности. Он обратился к Кузимову. А тот, зная нашу с тобой военную принадлежность, попросил меня защитить семью Ойхэ. Я отрядил десяток наших во главе с Кандауровым, и они быстрехонько слетали в родное село Ойхэ и навели там порядок. Ну, ты сам знаешь своих, знаешь, как они умеют работать...

– Еще бы! – гордо ответил Маджуга. Но вдруг замер, как бы что-то припомнив, и выпалил: – Так это что же получается, Лександра Петрович, когда лонись⁸ Филипповым постом вы отправляли Кандаурова, как вы сказывали, разведать несколько новых приисков, значит, он там с ребятами того... ну, головы поотрывал этим мстителям?

– Получается так, Арсений, – кивнул Мизинов.

– Ну, хитрец Кандауров! Вот бабай⁹, между нами будь молвлено! И мне – ни слова!

– Ты не держи памяти на него, хорунжий, – ответил Мизинов. – В военное время, сам понимаешь, всегда лучше рот на замке держать.

– Оно верно, – согласился Маджуга и замолчал, насупившись.

– Ну, так вот, – продолжал Мизинов, – уже полгода Ойхэ у меня. Насколько привязан ко мне – ты и сам видишь. Кстати, ты сам слышал, как он обратился ко мне – «айча». Это на их языке нечто вроде «отец, защитник»...

– Нехристи они все же, Лександра Петрович... К тому же вон Благовещенск бомбили... – пробурчал Маджуга.

– Благовещенск – это земля амурских казаков...

– Оно так, но ведь все одно братья наши, кристияне!..

Мизинов еще раз умилился, искоса взглянув на этого коренного забайкальца, вышедшего в офицеры из рядовых за неслыханную храбрость и дерзость. Во время Брусиловского прорыва вахмистр Маджуга первым в своей дивизии во главе двух десятков казаков, когда погиб сотник, проскочил вражеские окопы, перебил австрияков, захватил батарею, чем способствовал успешной атаке пехотных частей. За это был представлен к солдатскому Георгию, однако

⁸ Лонись – в прошлом году.

⁹ Бабай – здесь: нелюбимый, угрюмый человек.

командир полка ходатайствовал о присвоении храброму казаку офицерского чина. Так и стал Арсений Маджуга подхорунжим¹⁰. Следующий офицерский чин¹¹ он заработал уже под Пермью, когда вместе с Пепеляевым освобождал от красных этот красивый уральский город...

Все это Мизинов узнал год назад, во время похода, от самих казаков отряда и лишний раз убедился: богата земля героями, и эти герои порой ходят совсем рядом...

«Или едут, как сейчас», – подумал Мизинов и еще раз посмотрел на Маджугу. Но тот не заметил взгляда генерала. Он молчал и, казалось, крепко задумался о чем-то.

Бричка уже въезжала в Харбин.

¹⁰ Подхорунжий – первый офицерский чин в казачьих войсках, равный армейскому прапорщику.

¹¹ В описываемое время Маджуга хорунжий, то есть подпоручик.

3

Созданный строителями Китайско-Восточной железной дороги, город Харбин был по сути своей русским городом.

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) была построена в 1897–1903 годах как южная ветка Транссибирской магистрали и соединяла Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Дорога принадлежала России и обслуживалась ее подданными. Строительство КВЖД было составной частью проникновения России в Маньчжурию и Корею, укрепления российского военного присутствия на берегах Желтого моря.

В целях охраны строительства КВЖД из добровольцев («охотников», как тогда говорили) и казаков была создана специальная Охранная стража. После боксерского восстания 1900 года, в ходе которого почти все построенное было разрушено, Охранная стража КВЖД была преобразована в Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи. Пограничники стали одним из самых боеспособных отрядов в русско-японской войне, они первыми, вместе с полевыми войсками, принимали на себя удары японцев и последними отступали, при этом обеспечивали охрану дороги и ее служащих в тылу действующей армии от хунхузов и японских диверсантов.

Россия получила от Китая на территории КВЖД те же права и привилегии, что и другие державы в Китае: экстерриториальность в Маньчжурии для русских подданных, право ввести свои войска для охраны дороги, иметь собственную полицию в «полосе отчуждения».

На КВЖД работали почти двести тысяч китайских рабочих. Правление Общества оказывало строителям бесплатную медицинскую помощь, выплачивало пособия по временной нетрудоспособности, а в случае гибели рабочих – пособия их семьям. Обществу пришлось построить сотни вспомогательных предприятий – угольные копи, лесоперерабатывающие и камнеобрабатывающие фабрики, кирпичные заводы, главные механические железнодорожные мастерские и многое другое.

Завершение строительства дороги сразу же продемонстрировало все достоинства географического положения Маньчжурии, превратив эту отсталую территорию в экономически развитую часть Китая. К 1908 году, за неполные семь лет, население Маньчжурии выросло вдвое и составило около шестнадцати миллионов человек.

КВЖД оказала огромное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии. Она и сыграла в том числе особую роль в становлении системы народного образования в Северной Маньчжурии, где со строительством железной дороги возросла численность как русского, так и китайского населения.

Полоса отчуждения КВЖД никогда не была иностранным селтльментом¹² в Китае. По всей Северной Маньчжурии русские и китайцы жили вместе, бок о бок, пользовались одинаковыми правами и сталкивались с одними и теми же трудностями при обживании новых мест. Всех объединяла железнодорожная магистраль. Министр финансов России Сергей Юльевич Витте писал тогда: «Что же касается китайцев, то препятствование им селиться и приобретать участки в полосе отчуждения, вблизи дороги, проходящей в пределах Китая, совершенно изолировало бы дорогу от того района, который она призвана обслуживать и который должен снабжать ее грузом. Наоборот, безусловно в интересах дороги укрепить связи с нею тех из китайцев, которые уже и ныне находятся к ней в том или ином отношении в качестве подрядчиков, торговцев или ремесленников».

¹² Селтльмент – поселение, особый район города, создававшийся в зависимых странах империалистическими государствами для проживания их подданных. Не подлежал юрисдикции местных властей.

Развитие края пошло такими стремительными темпами, что уже через несколько лет Харбин, Дальний и Порт-Артур по населению обогнали дальневосточные российские города Благовещенск, Хабаровск и Владивосток.

Акционерное Общество КВЖД участвовало в оборудовании морского порта во Владивостоке и при посредничестве Русского Восточно-Азиатского пароходства совершало рейсы в порты Японии, Кореи и Китая. Накануне русско-японской войны Общество КВЖД уже владело своей собственной флотилией из двадцати пароходов.

Бурный рост Харбина отмечался современниками как явление феноменальное. Первые русские строители из отряда Шидловского при помощи китайцев быстро привели местные фанзы в более или менее приличный вид. Вскоре выросло небольшое селение, поселок Сунгари, которое уже в 1901 году стал именоваться Харбином. Почему назвали так – многие не знали и тогда. Одни переводят название как «высокий берег», другие – как «веселая» или «красивая (хорошая) могила», а третьи считают перевод вовсе бессмысленным. Наиболее вероятно, по мнению исследователей, маньчжурское происхождение названия – от слова «харба», означающего брод, переправу. Еще в конце восемнадцатого и на всем протяжении девятнадцатого века именно в районе современного Харбина была переправа через Сунгари, поэтому маньчжурское название вполне оправданно.

Железнодорожная администрация расширила на территории будущего города полосу отчуждения на значительную площадь, и очень быстро здесь выросли три основных района города: Старый Харбин (быстро захиревший и ставший дальней окраиной), Новый Город (административно-чиновничья часть) и Пристань (торгово-промышленно-ремесленный район). Можно только поражаться смелости и уверенности русских строителей, выполнивших такой грандиозный проект и построивших красивый город с широкими проспектами и большими площадями, храмами, больницами, школами, жилыми домами для служащих и рабочих.

Харбин был действительно красив, что сразу же по прибытии сюда отметил Мизинов. Все здания были кирпичными или каменными, имели центральное отопление и водопровод. Одной из главных достопримечательностей Харбина и предметом особой гордости горожан была Соборная площадь со знаменитым Свято-Николаевским собором. Кто-то уверял, что этот храм рубили русские мастера на Вологодчине, а затем заново собирали в Харбине.

В отличие от центра города, окраинная часть его, Пристань, развивалась исключительно благодаря частной инициативе и без всяких строительных планов. Возникла она естественным, самобытным путем – из первых поселков русских и китайских рабочих, поэтому и застраивалась очень своеобразно: каменные двух- и трехэтажные дома разбогатевших предпринимателей соседствовали с деревянными избами и глиняными фанзами. Пристань быстро превращалась в крупный торгово-промышленный поселок, поэтому вскоре строительное управление решило воспрепятствовать самовольной застройке района: составило специальный план, произвело разбивку улиц и кварталов и даже ввело полицейскую охрану. Однако жизнь этого района Харбина так и не удалось ввести в законопослушное русло. Один из ярких примеров самоуправства жителей Приistani – возникновение Китайской улицы, еще одной достопримечательности Харбина. Группы китайцев и маньчжур самовольно распланировали эту часть Приistani и произвели разбивку участков колышками. Несмотря на приказы начальства убрать колышки, мазанки вырастали ряд за рядом, создавая типично «китайскую» улицу. В итоге власти вынуждены были уступить и узаконить разбивку земельных участков. Позже китайские глинобитные домишки были заменены солидными каменными зданиями. На самой дальней от центра города окраине Приistani и жил Мизинов. Казаки же его стояли в Модягоу, харбинском «Царском Селе», где селились по преимуществу богатые люди и где держал одну из своих скобяных лавок «купец Усцелемов».

«Что за дивный город! – говорил по приезде Мизинов слушавшим его казакам, а больше самому себе. – Большой проспект в Новом Городе – точь-в-точь Кузнецкий Мост в Москве или даже петербургский Невский, в уменьшенном, правда, варианте».

Генерал был поражен какой-то наглядной, откровенно выпирающей «русскостью» этого города, кирпичной вычурностью его фасадов с куполами завершения, полотняными «маркизами» над стеклом витрин, солидностью торговых домов и, конечно же, такими милыми, родными, круглыми цокающими булыжными мостовыми.

Вскоре Харбин стал привлекать внимание дельцов самого разного толка, кинувшихся делать деньги на девственных просторах Маньчжурии. Со всех концов Российской империи сюда хлынули коммерсанты, подрядчики, биржевики, спекулянты, а также и простой люд – рабочие, ремесленники, лавочники, прислуга...

К описываемому нами времени Харбин успел стать отчим домом для сотен тысяч тех русских людей, которым возвращаться в новую Россию уже не было никакого резона. Поэтому они селились где придется – в двухквартирных одноэтажных домах и двухэтажных зданиях на четыре-шесть квартир, в простеньких домиках для рабочих. Дома окружали садами и цветниками. Во дворах были сараи, летние кухни, ледники и другие подсобные строения. В квартирах богатых людей имелись веранды, удобства для прислуги.

Один писатель-эмигрант зачитывал как-то Усцелемову отрывки из своих мемуаров. Мизинов хорошо запомнил, что там было очень много про «казенную квартиру в краснокирпичном доме типовой постройки, где было все для жизни русского человека – погреб-ледник во дворе и сарай-коровники, и, конечно, веранда, на которой при медлительных маньчжурских закатах можно было пить чай с вареньем из всего ягодного, растущего рядом в тайге и малиново-смородиновых палисадниках».

Да, после Октябрьского переворота в России и отступления колчаковской армии русская эмиграция в Харбине почувствовала себя совсем неуютно. Материально она была не обеспечена, страдала от безработицы, постоянно нуждалась. Им помогали не только состоятельные люди (Мизинов, например, жертвовал почти половину своего торгового капитала на строительство школ, храмов, приютов, больниц), но и, что удивительно, сами бедняки. Они всем миром, путем «кружечных сборов» собирали немалые средства, достаточные для сносного проживания соотечественников...

4

Скобяная лавка была типичным харбинским магазином средней руки. Едва Мизинов с Маджугой вошли внутрь, приказчик Зарядько (сын одного из первых строителей КВЖД), объяснявший покупателю устройство задвижки, выпрямился, положил товар на прилавок и выжидательно посмотрел на хозяина.

– Ничего, Никанор, продолжай, – бросил Мизинов и быстрым шагом направился вдоль прилавка в подсобные помещения.

– Мое почтение, ваше степенство! – склонился в поклоне покупатель.

– И вам доброго здравия! – ответил Мизинов и вышел с Маджугой в одну из задних дверей.

Они попали на просторную площадь, обнесенную высокой каменной стеной и представлявшую вид каретного двора. Это была извозничья контора Усцеломова. Посреди двора стояли экипажи всех видов: кареты, двуколки, брички, коляски, фаэтоны, ландо, сани. По периметру двора размещались сараи, висели оглобли, хомуты, шлеи и сбруи. Но не это сейчас волновало приехавших.

Они прошли в глубь двора. Там, укромно спрятанная от любопытных глаз, имелась еще одна дверь – тяжелая, дубовая, с огромными петлями для замков. Мизинов и Маджуга толкнули дверь и оказались в полутемном помещении, похожем на подземную галерею с низкими сводами. В отдалении мерцал единственный огонек – керосинка. На топчанах, застеленных медвежьей шкурой, сидели два казака и вполголоса беседовали. Увидев приближающихся, они вскочили, оправили амуницию, щелкнули каблуками сапог. Темно-синие шаровары с желтыми лампасами на мгновение колыхнулись широкой волной и обвисли неподвижно.

– Так что, ваше превосходительство, – четко отрапортовал один из них, – никаких происшествиев!

– Никаких, говоришь? – спокойно парировал Мизинов. – А вот хорунжий заподозрил что-то.

– Так ведь мы говорили его благородию, что никогошеньки не было, – затараторил казак. – Как, то есть, сменили мы Спиридона Лукича – Кандаурова, стало быть, – так никого!

– Покажи! – Мизинов кивнул Маджуге на подвал и подошел к люку. На прочной крышке, обитой толстыми железными полосами, лежал продетый в петли тяжеленный, в полпуда, амбарный замок – из тех, что продавались в лавке Усцеломова.

– Рассказывай! – приказал генерал хорунжему.

– Сколько вы стоите? – обернулся Маджуга к подошедшему казаку и посмотрел на часы. – Четвертый час, поди?

– Так точно, вашбродь! – отчеканил казак.

– Ну вот, Лександра Петрович... извините, ваше превосходительство...

– Да ты не церемонься, по делу давай! – нетерпеливо оборвал Мизинов.

– Слушаюсь. Проверял я их часа полтора назад – ну, перед тем как, значит, к вам прийти. Вижу – замок не тот! Когда сменял Кандаурова – прежний был, узорчатый такой, с накладочками бронзовыми по корпусу. А этот – гладенький!

– После пересменки вы к замку не подходили? – зыркнул Мизинов на казака.

– Никак нет, ваше превосходительство! – казак уперся в генерала неподвижным взглядом.

– Почто мелешь «никак нет» да «никак нет»? – взъерился на казака Маджуга. – Почто зыркаешь впритим?!¹³

¹³ Впритим – в упор, не моргая.

– Уймись, Арсений, – охладил его Мизинов. – Тут криком, боюсь, не помочь.

Он подумал секунду-другую, потом быстро подошел к топчану, где дневалили казаки и посмотрел в направлении подвала.

– Арсений, видишь хорошо?

– Обижаете, Лександра Петрович. Вы же знаете, что я весь барабан в яблочко кладу...

– Знаю, Арсений, не обижайся. Я, кажется, понял кое-что. Ну-ка, встань-ка на мое место, – скомандовал Мизинов. – А я – на твое.

Они поменялись местами.

– Видишь меня? – спросил Мизинов.

– Смутно как-то, Лександра Петрович, – отозвался хорунжий.

– Вот и я думаю, что смутно, – согласился генерал и помахал рукой. – А теперь я что делаю?

– Не видать, ваше превосходительство. Вроде как, находите¹⁴ вы на пугало какое, прошу прощенья.

– Прощаю... А так – тоже не видишь? – Мизинов нагнулся к люку и сделал руками круг-другой.

– Слепота! – сдался Маджуга.

Мизинов вернулся к казакам. Лицо его было суровым.

– Срочно сделать ревизию в хранилище! Думаю, что ничего страшного, но все-таки. А тебя, Арсений, благодарю за бдительность, – он похлопал хорунжего по плечу.

– Да что случилось-то, Лександра Петрович? – Маджуга, казалось, разволновался не на шутку.

– Керосинка одна у вас! – генерал ткнул пальцем в слабо коптящий светильник. – А что там творится – не видно. Как мы это упустили?.. Срочно к люку керосинку, чтоб все видно было!

– Лександра Петрович, да не было никого, – пытался убедить генерала Маджуга. – Люди-то мои не отемнели¹⁵ еще! Увидят и не в такой тьме!

– Увидеть-то увидят, не сомневаюсь, – задумчиво произнес Мизинов. – Да только могут не услышать.

– Мои-то?

– Видишь ли, Арсений, забайкальцы, конечно, – зоркие, чуткие люди. Но есть похлеще их, ты уж не обессудь, кто не только барабан в сердечко, как ты говоришь, но даже муху пролетевшую – и ту услышит.

– Кто же это? – опешил Маджуга.

– Мы на чьей земле живем? – вопросом ответил Мизинов.

– На манджурской, выходит, – пожал плечами Маджуга.

– Ну вот. А маньчжуры чем испокон занимаются?

– В фанзах живут, – ответил хорунжий. – Бабы по хозяйству, а мужики в лесу всю жизнь, на охоте...

– А охотники обладают острым...

– Слухом, знамо дело... Это что же получается... – залепетал было Маджуга, но Мизинов прервал его:

– Скверно получается, Арсений. Едем на Пристань! Живо! А вы, – обернулся он к казакам, – зовите Кандаурова. Ревизию здесь самую дотошную! Замок сменить. Новый у Зарядько возьмите, скажите, я приказал. Ключ Кандаурову, потом заберу! Поехали! – бросил он хорунжему.

¹⁴ Находить – быть похожим, походить.

¹⁵ Отемнеть – ослепнуть.

5

Обратно неслись взапуски. Мизинов посадил Маджугу на козлы и передал ему вожжи, чтобы по пути спокойно все обдумать. Хорунжий поначалу нахлестывал Бурку что есть мочи, пока генерал не одернул его:

– Полегче, Арсений! Ты не только лошадь загонишь, но и мои мысли порастрясеешь!

Маджуга умерил пыл и, обернувшись, спросил Мизинова:

– Так что это выходит-то, Лександра Петрович? Значит, этот китайчонок ваш пакостит? Говорил ведь вам – не привечайте его!

– Он не знает про золото, Арсений, – успокоил Мизинов, но так неуверенно, что, похоже, и сам сомневался в сказанном: – Хотя, возможно, проведет как-нибудь... Прискорбно, но, видимо, я прав – подлость в природе человеческой...

– Да я бы ему за такие дела, знаете что?! – вспыхнул хорунжий, потряс кнутом в воздухе и снова легонько опустил его на спину и без того взмыленной Бурки:

– Давай, родимая, помялась!.. Э-эх, люди! Хлебом не корми – дай напакостить! Я вон надысь¹⁶ купчишке одному помог от пьяных китайцев отбиться, а то б замордовали его совсем. Они ведь ноне-то, как не стало нашей собственной охраны на дороге, совсем буйными стали. Так что бы вы думали? Он сам же меня и обругал за то, говорит: «Теперь, такой-сякой, у меня работать на складе будет некому!» А у самого рожа что слива переспелая, того и гляди отвалится, уж так созрела, так созрела! – Маджуга весело, в полный голос захохотал, в который, наверное, раз вспоминая ту пьяную драку.

– Ты бы поменьше ввязывался в разные приключения, – упрекнул Мизинов. – Не хватало нам еще лишних проблем. Сам ведь знаешь, какая ответственность на нас.

– Еще бы не знать, Лександра Петрович. Да вы будьте покойны – с моими станичными ничегошеньки с хранилищем нашим не станется, один Кандауров чего стоит! Ему проще шипишку подкараулить, чем предать, не такой он человек, мой Спиридон Лукич...

– Ей-богу, Арсений, чтоб тебя понимать, надо толмача при себе держать. Ну что вот ты сейчас сказал? Какое такое выраженьице опять ввернул, а?

– Шипишку-то подкараулить? – дружелюбно улыбнулся Маджуга. – Да просто все – помереть, одним словом, по-нашему. Я к чему? Спиридону Лукичу – ему, значит, легче помереть, чем предать того, кому один раз поверил и доверился.

– Он ведь на Кавказе служил в германскую?

– Там. В пластунах. В разведку как-то их спосылали, в дальнюю. В самую Персию. Так добрались аж до этой, как ее... ну, где рай-то земной...

– В Месопотамию, наверное? – рассмеялся Мизинов.

– Во-во, туда! И встретились, значит, с агличанскими войсками, что и было им наказано. То бишь, как это по-военному-то, Лександра Петрович?

– Установили контакт с передовыми частями англичан. Они были нашими союзниками в той войне.

– Были, Лександра Петрович, одно слово что были! Где они таперича? Нет, чтобы помочь по старой памяти...

– Всяк любит каштаны из огня таскать чужими руками, Арсений. Да и в минувшей войне...

Мизинов не договорил. Папаха слетала с головы Маджуги и ударилась в лицо генералу. Лошадь брыкнула в сторону, а вдалеке отчетливо всхлипнул плескучий выстрел.

¹⁶ Надысь – на днях.

– Тпр-р-р-р! – хрипел Маджуга, натягивая поводья и заваливаясь за облучок. – Лександра Петрович, живы?

– Жив, Арсений, твоими молитвами, – Мизинов даже пригнуться не успел, понимая, что теперь и незачем: выстрелы исподтишка никогда не повторяются.

Маджуга выскочил из брички, под огромными сапожищами захрустела дресва¹⁷.

– Из трехлинейки, – пробормотал он, подобрав папаху и натягивая ее на затылок.

– Издалека, – кивнул Мизинов. – Ближе подобраться не рискнули.

– А может, не смогли?

– Кто бы им помешал? Хотели бы убить – непременно подкараулили бы. Хоть за тем вон взлобком. Ан нет, не посмели. Выходит, просто пугают нас. Но зачем? – Мизинов уже обращался не столько к хорунжему, сколько размышлял вслух. Он знал по опыту: решение нужно принять в первые же секунды после непредвиденного события. Как правило, это решение и оказывается верным...

– Однако нет, не пугают, Арсений, не пугают, – через секунду-другую уверенно резюмировал Мизинов. – Откуда пуля пришла?

Маджуга снял папаху и покрутил в руках.

– Вот дырка-то, – показал он. Под самой кокардой зияло аккуратное пулевое отверстие.

– Смотри, что получается, – Мизинов влез на козлы и взял вожжи в руки. – Ты сидел, верно?

– Ну да.

– Теперь смотри. Мы с тобой примерно одного роста. На каком уровне сейчас моя голова?

– На уровне лошадиной гривы, Лександра Петрович.

– То-то и оно! Стреляли не в тебя, могу успокоить. Впрочем, и не в меня...

– В кого же тогда? – оторопел Маджуга и стал озираться по сторонам.

– Ты прав, Арсений, третьего здесь нет, – улыбнулся Мизинов. – Но нет третьего *человека*, – он сделал ударение на последнем слове.

– Любите вы, Лександра Петрович, загадками говорить, – скривился Маджуга в простоватой гримасе.

– Не буду тебя мучить. Да и времени нет. Стреляли в Бурку.

– В лошадь?! – у Маджуги глаза сделались похожими на два николаевских медных пятака.

– Именно. Кому-то непременно надо, чтобы мы не поспели вовремя на Пристань. Это уже становится интересным. Но, по крайней мере, убивать нас пока не станут. Лошадь наша, слава богу, цела. Так что вперед, Арсений! Предчувствия у меня нехорошие. Надо успеть!

– Ну щас дождется он у нас, китайчонок ваш! Уж я его! – пригрозил Маджуга, размахивая кнутовищем над крупом Бурки.

Мизинов ничего не ответил. На душе было скверно.

¹⁷ Дресва – мелкий щебень, используемый в строительстве и покрытии дорог.

6

К дому неслись, оставляя за собой клубы густой бурой пыли. И едва открылся на повороте мизиновский дом с распахнутыми настежь воротами двора, как генерал понял, что его опасения были не напрасными, и оставшиеся метры все торопил и торопил время...

Но вот Бурка встала наконец, фыркая и сбрасывая пот. Мизинов выскочил из брички и влетел в ворота. Посреди двора на четвереньках стояла пожилая женщина и причитала в полный голос:

– Страдалец мой! Христараденький! – и все склонялась над чем-то белым и неподвижным на земле.

Мизинов подбежал и увидел распластавшееся тело в одном исподнем. Сквозь белую рубаху проступали багровые кровавые полосы. Мужчина лежал бездыханно. Неподалеку от него, метрах в пяти, навзничь распластался Ойхэ. Руки его были раскинуты в стороны, в одной он все еще сжимал литовку¹⁸ за косье. Ойхэ был мертв – сомнений в этом не оставалось ни у Мизинова, ни у Маджуги. Мизинов осторожно поднял голову парнишки за волосы и ужаснулся – все лицо его было обезображено. Лица, можно сказать, не было вовсе – одно сплошное кровавое месиво.

– М-да, – вымолвил Мизинов, опустил голову и выпрямился. – Стреляли в лицо... Прости меня, мальчик, за скверные мысли...

– Лександра Петрович, может, они еще не ушли далеко, а? Может, догнать? – кипятился Маджуга.

– Охолонь, Арсений, – осадил его Мизинов. – Эти люди все делают четко. Они уже далеко. Да и рисковать мы не можем, понимаешь? Марковна, что случилось? – Мизинов тронул женщину за плечо. Под его рукой тело затряслось, как в лихорадке.

– Александр Петрович, батюшка! – Марковна подняла на него заплаканные невидящие глаза. – Что же это?.. Егор-то мой, а?.. Забили, в усмерть забили!.. – и снова заголосила, склоняясь над телом.

Мизинов опустил на колени рядом с Егором, перевернул его на спину. Глаза старика были полузакрыты, сквозь приоткрытые веки был виден едва заметный зрачок. Мизинов приоткрыл веко, потрогал шею под скулой. Есть надежда!

– Марковна, он жив, жив! Маджуга, скорее! Подхватили осторожно! Несем ко мне в светелку!

Хорунжий приподнял Егора за ноги, Мизинов ухватился за подмышки, и они понесли обмякшее и тяжелое тело в дом. Марковна, причитая и утирая слезы фартуком, семенила следом. Этих супругов год назад порекомендовал Мизинову тот же Кузёмов, и с тех пор старики жили в его доме, целиком ведя несложное хозяйство холостяка. Егор и Марковна были сибиряками, как, наверное, каждый второй в этом далеком, но совершенно русском городе на краю земли...

Егора уложили на хозяйскую кровать лицом вниз. Мизинов с Маджугой вышли на кухню, помыли руки и вернулись к кровати.

– Снимаем рубаху, – Мизинов велел Маджуге приподнять Егора за шею и поддерживать, а сам начал осторожно срезать ткань рубахи. Спина была исполосована вдоль и поперек. Но, на счастье, глубоких ран оказалось всего две. Лоскуты рубахи присохли к этим ранам и не отставали.

¹⁸ Литовка – коса (инструмент).

– Не отрывать лоскутки! – командовал Мизинов. Обращение с ранеными было привычным делом многих офицеров окопной войны. Мизинов и сам перевязал на фронте столько раненых, что этого контингента достало бы на целый полковой госпиталь.

– Марковна, тащи сюда бинты и кипятик... Да не голоси ты, он будет цел... Потом все расскажешь!

Старуха выбежала и вскоре возвратилась с большим баулом и ковшом кипяченой воды, поставила все рядом с Мизиновым. Генерал развел в небольшой плошке раствор марганцовки и принялся аккуратно протирать спину Егора. На глубокие раны наложил смоченные марганцовкой бинты и велел туго перетянуть старика бинтом.

– Арсений, это по твоей части. Покрепче, но не резко... Вот так...

Когда с перевязкой было покончено, Мизинов велел подложить под лицо Егора несколько подушек и оставить его лежать на животе.

– Пусть отдыхает, Марковна. Сиди рядом и следи. Не тревожь его. Повязки сменим к вечеру. Не поить его и не кормить. Да, впрочем, он и не попросит пока...

– Александр Петрович, батюшка, а он выдюжит? – поскуливала Марковна.

– Я и не таких с того света возвращал в окопах, – успокоил ее Мизинов. – Обязательно выдюжит. Дня через два сделаю тебе состав крапивный на спирту, здорово помогает. Станешь прикладывать. Мне солдатики пензенские на фронте показали... Ну, – Мизинов присел на край кровати, – теперь рассказывай. Сколько их было? Когда нагрянули?

– Едва вы с Арсением уехали в город, они тут как тут, – задыхаясь, начала старуха. – Четверо было, казаки. Верхоконные все. Один офицер...

– Марковна, – перебил Мизинов. – Этот офицер – в каком он чине, ты ведь отличаешь...

– Полковник, батюшка, полковник, – старуха немного успокоилась, по крайней мере, перестала плакать и причитать и могла связно говорить.

– Нет ли у него в глазах... ну, такого блеска... немного дьявольского, что ли? И голос такой надтреснутый, с хрипотцой?

– Он, батюшка, как есть он, окаянный! – старуха снова принялась всхлипывать. – Егор ничего не говорил. Они сорвали с него зипун, порты, кинули старика на землю да как примутся нагайками стегать! Егор подняться рвется, так они сапогом его прижимают и лупцуют, лупцуют...

– Марковна, старика твоего я подниму, – успокоил Мизинов. – Не волнуйся, страшное уже позади. Нам все нужно знать, и побыстрее. Пожалуйста, соберись и рассказывай.

– Да-да, Александр Петрович, – закивала Марковна.

– Он про меня что-нибудь спрашивал?

– Только про вас и спрашивал, батюшка. Про вас да еще про золото какое-то.

– Как меня называл?

– Не помню, батюшка родимый, благодетель ты мой... – глаза старухи вновь повлажнели. – Как напустились на Егора, как давай его тискать да мутузить... Я в крик, говорю, не знаем мы ничего, и хозяин, мол, наш – честный купец... А он, старший-то их, ухмыляется: знаю, мол, этого купца, еще с германской ох как знаю!

– Суглобов! – вырвалось у Мизинова.

– Кто это такой, Лександра Петрович? – насторожился Маджуга.

– Мой старый знакомый, еще по окопному фронту. Когда-то был друг. А потом – враг.

– А чего ему надоть?

– Чего надо людям во все времена? Золота! Только, откровенно говоря, я так и не знаю до сих пор – ищет он его для себя или для наших врагов...

– Да нам-то что с того! – вздыбился Маджуга. – Нам охранять-то его все одно – что от красных, что от варнаков¹⁹ каких...

– Верно, Арсений. Верно и другое – так или иначе, но нас выследили... В одном я был неправ – Ойхэ не виноват. Кто же тогда сменил замок?... Интересно, что там Кандауров с ревизией?

– Может, слетать? – предложил Маджуга.

– Наверное, придется, – согласился Мизинов. – Марковна, а как погиб Ойхэ?

– Когда зачали хлестать старика моего, он не удержался, схватил литовку и кинулся на изуверов. Так этот старший их спокойненько так вытащил наган и выстрелил два раза в парнишонку. Тот как был с литовкой, так и упал. Ни слова не успел сказать...

– Надо отвезти тело к родителям, пусть похоронят по-своему.

– А далеко это, Лександра Петрович? – спросил Маджуга.

– Верст пятьдесят в сторону Приморья, в тайге, – он взглянул на хорунжего и уловил в его глазах готовность, но возразил:

– Нет, ты останешься здесь. Кандауров поедет, он знает. Марковна, а они ничего не искали в доме?

– Не успели, видать. Когда они только приехали, то послали одного в сторону города. Примчался он скоренько, что-то сказал им, они засуетились, засобирались да и усаkali в тот же час... Только все уже сделали, окаянные, Егора изурочили, парнишонку убили... – старуха опять завсхлипывала.

– Четвертого они и посылали нам навстречу, – сказал Мизинов Маджуге. – Задержать нас хотели, поискать в доме. Не удалось, промахнулся их казачок. Времени хватило только, чтобы скрыться.

– Что делать-то будем, Лександра Петрович? – выпытывал Маджуга.

– Что делать сейчас – ясно. Что дальше – ума не приложу. Несомненно одно: в покое нас в Харбине не оставят. Но, как говорится, Бог не выдаст... Больше всего меня сейчас заботит одно: кто поменял замок? Ясно, что это не суглобовская шайка. Кто же? Знаешь, Арсений, в чем одна из причин наших неудач в России? В том, что у белых никогда не было настоящей, профессиональной контрразведки. У красных была, у нас – нет. Все жеманничали да церемонились с военными преступниками, руки опасались выпачкать в крови. А теперь вот расплачиваться приходится... И какой ценой!.. Марковна, – обратился Мизинов к старухе, – мы сейчас отъедем в город. Ты не волнуйся, они больше не приедут. Я тебе обещаю, ты ведь веришь мне?

– Александр Петрович, батюшка... – снова заплакала старуха и ткнула Мизинову в грудь. Он погладил ее, усадил на стул:

– Стереги мужа! Арсений, поехали!

¹⁹ Варнак – разбойник.

7

Проверка хранилища, проведенная Кандауровым, успокоила Мизинова: все было цело.

– Теперь смотрите в оба, – наставлял Мизинов казаков. – С крышки не сходить ни днем, ни ночью. Хоть спите на ней, ясно?

– Ясно, ваше превосходительство, – отвечал Кандауров, высокий, под потолок, седоусый вахмистр. – Похоже, однако, что злоумышленника навряд найдем...

– Не злоумышленника, а врага, Спиридон Лукич. Врага! Не найдем, да и не надо. Их и так полно кругом. Сейчас самое главное – хранилище. В нем вся наша жизнь, все наше будущее. Арсений, – обратился он к хорунжему, – останешься за меня на два-три дня, мы со Спиридоном Лукичом наведаемся в Фаочинзу.

– Куда? – не понял Маджуга.

– В поселок к родным Ойхэ. Тело отвезем...

Выехали на рассвете: Мизинов, Кандауров и трое казаков. Тело Ойхэ везли на сменной лошади поперек седла.

Ехали не спеша. Маньчжурская степь полыхала зацветающим разнотравьем. Хотя Мизинов читал немало про Маньчжурию, сам здесь никогда не был. Когда кончал училище, военные действия с Японией уже прекратились. А потому даже и предположить не мог, насколько здесь красиво!

Особенно понравился Мизинову один лесной ключ, называемый маньчурами, как проведаль неплохо понимающий местное наречие Кандауров у встречных крестьян, Спокойным. Ключ и правда был тихим, уютным каким-то, что вообще свойственно болотистым местам. А вода в нем была такая чистая, что глядеться в нее можно было, как в зеркало. Что казаки и сделали, начисто выбрившись в озерце на другой день похода.

Потом въехали в долину, вполне удобную для обитания. Здесь жили земледельцы, множество фанз лепилось к склонам холмов и вдоль шустрой речки, пересекавшей долину по глубокому распадку.

Миновав долину и перевалив небольшой увал, всадники въехали в большой дубовый массив. А там и до Фаочинзу было рукой подать.

К фанзе родителей Ойхэ подъезжали уже в темноте. Встречать вышел высокий старик с сучковатой рогатиной в руках и приятными чертами лица.

– Это отец Ойхэ, – объяснил Кандауров и поклонился старику. Тот тоже поприветствовал гостей и жестом пригласил их в дом. Мизинов и Кандауров прошли в фанзу, а трое казаков, спешившись, остались при лошадях.

Мизинов впервые увидел это китайское жилище. Фанза представляла собой помещение со стенами из еловых жердей, оплетенных ветками и обмазанных глиной. Вход прикрывала узкая дверь, сколоченная из тесаных досок, навешенная на ременных петлях. Два подслеповатых окошечка. Около фанзы, наверное, был небольшой огород, в темноте, естественно, не увидишь.

Внутри фанзы пахло глиной и чесноком. По стенам шли глиняные каны, похожие на русские лежанки. Внутри них для тепла проложены дымоходы. К левой лежанке примыкала печь с вмазанным в нее чугунным котлом. На жердях под крышей висели сухие початки кукурузы, охвостья от связок чеснока, ссохшаяся оленья шкура. В фанзе никого не было, старик-отец присел на один из канов и пригласил гостей сделать то же самое.

Мизинов с Кандауровым присели и не знали, как начать.

– Теперь самое скорбное, – шепнул Кандауров Мизинову. – Помоги Господь!

– Крепись, Спиридон Лукич, – подбодрил Мизинов. – Объясниться-то сумеешь?

– Не впервой. Я ведь, когда боксеры-то возмутились, уже в урядниках ходил. Маджугу с тех пор и знаю – он тогда перволетком числился.

Старик вежливо, не прерывая, слушал непонятную речь, внимательно вглядываясь в лица приезжих. Кандаурова он уже знал по прошлому году, а потому все внимание сосредоточил на Мизинове. Даже когда Кандауров начал говорить, старик все так же внимательно смотрел на генерала. И лишь когда до него дошел страшный смысл сказанных вахмистром слов, он враз моментально преобразился. Лицо посерело, осунулось, руки, сжимавшие палку, стиснули ее еще крепче и побелели.

Внезапно старик поднялся. Такой живости движений нельзя было и предположить в нем. Он воздел руки и зашелся в гортанном вопле. Долог и протяжен был этот вопль, сердце раздирало от муки и невыразимого страдания.

Кандауров наклонился к Мизинову:

– Сейчас он все свои ритуалы выполнит, какие надо. Нет, плакать он не станет – не принято, но проголосить все что надо – это да. Вы можете выйти перекурить, ваше превосходительство. Я уж тут останусь. После причитаний он сразу станет готовиться к погребению...

Мизинов вышел из душной фанзы на свежий ночной воздух. Небо чернело над поселком, ночь была звездная и холодная. Невдалеке пофыркивали кони да переговаривались казаки. Где-то в отдалении стонала выпь. В траве стрекотали кузнечики. Мизинов курил и слушал ночь. Но величавая тишина ее и спокойствие, царившее в природе, мало гармонировали с надсадной тяжестью в груди генерала.

Он вернулся в фанзу. Старик собирал по углам пучки засохших трав и складывал их в огромный таз, стоявший посреди помещения. Кандауров помогал ему. Увидев Мизинова, вахмистр пояснил:

– Он готовит благовония к завтрашним похоронам. Родственники приедут утром, за ними уже послано. Старший сын сейчас на охоте, к утру будет вместе с матерью и сестрой. Он заберет их в поселке у родственников. Нам постелили в сарае для лошадей. Туда можно отвести и наших коней. Там тепло и спокойно. В прошлый раз мы тоже там заночевали. А в фанзу сейчас занесут тело Ойхэ. В одном помещении с покойником нельзя спать никому. Даже старик уснет с нами в сарае...

8

Этой ночью возле скобяной лавки купца Усцелемова остановилась лошадь, запряженная в повозку – обычную, ничем не примечательную телегу с наращенными бортами и брезентовым тентом, каких в то время в Харбине встречалось по десятку на каждом перекрестке. Из-под брезента на мостовую выпрыгнул высокий мужчина в дождевике с опущенным капюшоном, осторожно оглянулся и решительно направился к дверям лавки.

На тихий стук дверь подалась, с тяжелым ворчаньем распахнулась, и на крыльцо вышел Зарядько в накинутой на плечи кацавейке. Пропустив гостя в дверь, он внимательно осмотрелся и прикрыл дверь.

В торговом зале гость скинул дождевик и оказался в добротном английском френче с большими накладными карманами на груди и по бокам. Он достал из нагрудного кармана пачку папирос и закурил. Потом плюхнулся на стул и спросил негромко:

– Ну что, Никанор, замок сменил?

– Сменил-с.

– Как обошлось-то? Ведь, поди, охрана не дремлет?

– Я ведь вырос среди маньчжуров, – усмехнулся Зарядько. – Кошкой пройду, комаром пролечу... Тут, однако-с... – замялся он.

– Ну, что еще? – нетерпеливо оборвал гость.

– Сменить-то сменил, да они заметили подмену, – скороговоркой зашептал Никанор. – Новый навесили-с.

– Вот ведь дьявол! – гость нетерпеливо привстал со стула.

– Успокойтесь, успокойтесь, дубликат у меня имеется-с, – Зарядько вытащил из кармана ключ на колечке и покрутил им в воздухе.

– Второй ключик у хозяина-с, но его нет, – тараторил приказчик. – Уехал в тайгу, мальчонку тут одного хоронить. Нескоро будет.

– Сегодня сумеем?

– Казаков, как обычно, двое-с, – шептал Зарядько, – но ведь они практически не спят, не спят они... Все разговаривают, к тому же лампу вторую теперь на самый люк поставили и топчан свой поближе подвинули. Теперь уж там все освещено, сплошь. Теперь в темноте не подкрасться, как в тот раз. Не знаю, право, как и быть-то-с...

– Да, вот незадача, – сплюнул гость на пол. – Сюда-то не заглянут? – осторожно заозирался он по сторонам.

– Будьте покойны, будьте покойны, у них служба-с. Они сюда только по моему звоночку, по звоночку могут-с.

– Остальные спят?

– Спят-с. Только еще двое в карауле, но это у противоположных ворот, где извозчицья контора-с...

Гость встал, походил из угла в угол, осторожно ступая по паркету. Вынул из кармана брегет, откинул крышку, взглянул на циферблат.

– Времени у нас час, – отчеканил он. – Через полчаса золото должно быть погружено.

– Как же можно-с, как можно-с? – испуганно залепетал Зарядько. – Не стрельбу ведь поднимать! Их ведь сорок человек! Перерубят и не вздрогнут. Звери, звери-с!..

– Не тараторь! – резко оборвал его гость. – Пожар устроить сможем?

– То есть как пожар? – выпучил глаза приказчик.

– Ну да – пожар, обыкновенный пожар. С той стороны, с извозчицьею.

– А, понимаю, понимаю-с, – забежал по комнате Зарядько. – Отвлечь, значит, внимание, бдительность усыпить. Понимаю. А потом – раз! – и к погребку-с! Понимаю. Нет-с! Не выйдет! Все одно они подвал не кинут. Двое все равно останутся!

– Двое – не сорок! – улыбнулся гость. – Нас ведь тоже двое, так? – он вынул из-за пазухи увесистый браунинг и протянул приказчику.

– Вы и меня? – раскрыв глаза, в ужасе отодвигался Зарядько от оружия. – И меня-с? Н-н-нет, увольте-с. Я, разумеется, вашу идеологию уважаю и разделяю даже, но чтобы... смертоубийство... нет-с!

– Деваться тебе некуда, – с ледяной улыбкой гость взглянул в глаза Зарядько, и тот потупился, отступил, в изнеможении опустился на стул и взял пистолет:

– Что надо сделать?

– Вот так-то лучше, дорогой. Рванье какое-нибудь найдется? Старая одежда, тряпки? И керосину бутыл.

Приказчик кивнул и, вскочив, кинулся в кладовую. Вынес оттуда ворох тряпья, скинул на пол, потом принес огромную, с ведро, стеклянную бутыл.

– Все в телегу, – приказал гость, – и быстро задворками к тем воротам. Понял?

Зарядько закивал и кинулся таскать вещи к подводе. Потом вышли оба, и гость тронул кобылу. Переулками выехали в параллельную улицу и остановились метрах в ста от конторы.

– Давай, – кивнул гость приказчику, и Зарядько, суетясь, стал поливать хламье керосином. Бутыл дрожала в его руках, содержимое проливалось на тротуар.

– Да не суетись ты! – окрикнул гость. – И побыстрее все-таки.

Намоченное тряпье снесли к воротам. Прислушались. Во дворе едва переговаривались казаки.

– Наваливай вдоль ворот, – шепнул гость. Потом приказал поплескать из бутылки на забор. Когда все было готово, скомандовал:

– Возвращайся в контору и жди меня. Когда пламя примется, я подъеду и скажу, что делать.

Весь дрожа, Зарядько кинулся в лавку и стал молиться – впервые за два года, когда связался с этими... Он украдкой глянул на улицу, – не услышал ли незванный гость его мыслей. Тот вскоре подъехал, забежал в лавку и сказал:

– Занялось. Быстро беги к казакам и поднимай их!

Зарядько пустился во двор, но гость окликнул его:

– Да ключ-то мне отдай!

Вбежав во внутренний двор, Зарядько заорал что было мочи:

– Братцы! Станичники! Горим! Ворота извозчищи горят!

Караульные бросились к воротам, распахнули их пинками, густой дым повалил во двор.

– За водой в конец улицы! – кричал Маджуга, выбегая во двор и застегиваясь на бегу. – В цепочку! Передавать ведра! Живо!

Казаки дружно разобрались, и вскоре первые выплески с шипением ворвались в густое, расплзающееся пламя.

– Добро, – кивнул Маджуга и вдруг покрылся испариной: – А-а-а! Язвить тя! – и бросился к хранилищу.

Там двое карауливших казаков в волнении переступали с ноги на ногу. Бежать нельзя. Оставить станичников – тоже не по-казацки.

– Гляну, что ли? – спросил один.

– Нельзя, стой! – одернул другой. – Справятся. Там хорунжий. Одолеют.

Однако отвлеклись все-таки, потому не заметили бесшумно ворвавшихся в помещение гостя и Зарядько. А когда обернулись и увидели – было поздно: оба легли под меткими выстрелами.

- Стрелять не умеешь? – огрызнулся на приказчика гость, пряча револьвер за пазуху.
- Умею... но... как-то... – мямлил с перепугу Зарядько.
- Хватит лепетать! Принимай ящики! – гость подбежал к люку, открыл замок и прыгнул во тьму. Предусмотрительно захваченный фонарик осветил перед ним стеллажи с окованными железом ящиками.
- Добро, – крикнул он и подхватил ближний ящик. Поднатужась, вскарабкался по невысокой лестнице и показался над люком.
- Принимай!
- Я тебе сейчас приму! – метким выстрелом с ходу вбежавший Маджуга сбросил гостя обратно в люк. Но покачнулся и сам – от пули, выпущенной Зарядько из темноты. Пошатнувшись, он стал заваливаться на спину и, теряя сознание, успел заметить вбежавших в хранилище казаков. Одеревеневшими губами пролепетал только:
 - Целехонько, Лександра Петро...

9

Наутро в Фаочинзу приехали мать, сестра и старший брат Ойхэ – Файхо. Удивительно, но факт гибели Ойхэ родители приняли совершенно спокойно, по крайней мере, внешне. Кандауров пояснил:

– Им главное – правильно похоронить, чтобы все было по писаному, как издревле велось...

Но только Файхо с самого приезда глядел на гостей очень уж неприветливо. Когда Кандауров спросил о причинах этого у отца, старик объяснил ему, что Файхо теперь за главу семьи и считал Ойхэ своим наследником, но чужие люди погубили его...

– Но ведь мы не виноваты в смерти парня! – возмутился было Мизинов.

– Все равно, – переводил Кандауров, – погиб он по нашей вине.

– М-да, ситуация не из приятных, – проговорил Мизинов, а Файхо все зыркал и зыркал на него диковатыми прищуренными глазами. – Скажи ему, что я захватил с собой большой мешочек гоби²⁰ – это для них.

Кандауров перевел. Старик вежливо поклонился до земляного пола, но Файхо все смотрел на Мизина полными ненависти глазами...

И вот приступили к похоронам. Тело Ойхэ уже лежало в гробу посредине фанзы. Перед гробом выстроились родные и стали громко причитать и рыдать. Мизинов с Кандауровым встали поодаль. Потом родственники по очереди поклонились умершему, то же сделали и гости. Файхо опустился на колени, возжег благовония, возлил жертвенное вино и обратился к покойному с подробным отчетом обо всем, что происходило после его смерти, перечислил все свои дела, тажные трофеи, упомянул о подготовке к погребению.

Затем гроб установили на специальные носилки и отправились к месту погребения. За гробом шли Файхо, отец, мать, сестра, чуть сзади – Мизинов с Кандауровым. Шли недолго, метров триста, к небольшому лесу на краю села. Там носилки поставили на землю, помолились и под нескончаемые скорбные рыдания и причитания опустили тело в могилу.

На этом, как пояснил Кандауров, завершался последний путь усопшего, но не исчерпывались священные обязанности семьи перед покойным. Еще три года в семье будут нести траур...

После похорон казаки, пообедав для приличия, выехали в обратный путь. Мизинову запомнился последний взгляд Файхо, брошенный ему вслед. Взгляд этот не сулил ему ничего хорошего...

²⁰ Гоби – маньчжурские юани.

10

Выгорело не подчистую: расторопные казаки сумели погасить огонь в самом разгаре, когда он еще не перекинулся с ворот на дворовые постройки и лавку. Хранилище оказалось и вовсе нетронутым.

Мизинов первым делом зашел к Маджуге, который лежал на покрытом медвежьей полстью топчане и тихонько постанывал. Пару часов назад он пришел в сознание – после того как найденный казаками доктор Иваницкий, из эмигрантов, извлек из его груди пулю. Она застряла в верхней части левого легкого, но рана сама по себе была неопасной, и опытный врач, руку набивший в военных лазаретах германской войны, быстро справился со своим делом. Теперь хорунжему требовался покой, и только покой.

Мизинов склонился над Маджугой. Тот, почувствовав чье-то присутствие, вымученно открыл глаза.

– А-а-а... Лександра Петров-о-о-вич... – простонал он. – Все целехонько... Я его, гада, на месте...

– Отдыхай, Арсений, спасибо тебе, – Мизинов слегка потрепал хорунжего по слежавшимся вихрам и обратился к доктору:

– Сколько ему поправляться?

– Месяц нужен определенно, ваше степенство. Он мужик крепкий, выдюжит. Слава богу, рана не гнойная, легкая в общем-то... Но посмотреть за ним следует непременно. Если что...

– Конечно, доктор, – Мизинов протянул Иваницкому несколько купюр, но тот отказался:

– Мы с вами в одном положении – без родины. Будемте же благородны до конца, ради ее памяти.

– Вы полагаете, что родина для нас потеряна?

– Станемте откровенны друг перед другом, как военные люди...

– Вы знаете, кто я? – настороженно перебил его Мизинов.

– Трудно не догадаться... От вашего *степенства*, простите, так и веет *благородством*, – он сделал ударение на этих двух словах, но Мизинов почему-то не испугался: было что-то в докторе такое, что внушало абсолютное доверие.

– Так вы считаете, что родина потеряна? – повторил вопрос Мизинов.

– Люди способные, может, и найдутся, для ее спасения, но вот идея... Идея, простите, себя изжила, – грустно констатировал Иваницкий.

Мизинов помолчал немного, глядя на доктора в упор. Тот выдержал взгляд тоже молча.

– Скажите, доктор, а если... Если бы представилась возможность пострадать за Россию, может быть, даже голову за нее отдать – вы бы согласились?

– Безусловно, – моментально отозвался доктор, чего Мизинов, признаться, не ожидал.

– Но почему, если идея мертва? – настаивал он.

– Видите ли, ваше... *превосходительство*, надо полагать?

Мизинов слегка поклонился.

– Видите ли, ваше превосходительство, идея – это идея. Она не может быть мертва. Мертвы обычно ее воплощения. Но кто мешает попытаться воплотить ее еще и еще раз? По крайней мере, это более достойно честного гражданина, чем торчать пусть и в русском городе, но на чужбине, и лечить ставших инвалидами воплотителей этой идеи.

Мизинов воспринял этот укор немного и в свой адрес, но не вспыхнул, не стал спорить. В глубине души он понимал, что доктор прав. А потому спросил только:

– Доктор, скажите, если мне однажды понадобится ваша помощь... как специалиста, положим, вы откликнетесь?

– Несомненно, ваше превосходительство. Можете на меня рассчитывать, – поклонился Иваницкий. – Честь имею.

– Благодарю вас, доктор, честь имею, – кивнул в ответ генерал.

Он прошел в хранилище, выслушал рассказы казаков о пожаре и попытке вывезти золото. Уже стало ясно, что грабителей навел Зарядько: после пожара его и след простыл. Мизинову не терпелось посмотреть на убитого: мозг его сверлил один неотвязный вопрос, решить который можно было одним способом – увидеть мертвого. Непременно увидеть.

Он подошел к лежавшему на полу телу, накрытому рогожей.

– Открывай! – приказал он казаку. Тот сдернул с тела полсть, и у Мизинова вырвалось:

– Не он!

Вспоминая потом этот момент, он так и не мог ответить себе на вопрос: был ли это вздох облегчения или, наоборот, удрученности.

В карманах убитого ничего не нашли. «Понятно, на дело ведь документов не берут», – переговаривались казаки. Зато на рукоятке нагана, которым был вооружен грабитель, блестела латунная пластинка с надписью: «Комиссару И.С. Райхлину от Реввоенсовета Республики. Март 1920».

– Теперь, по крайней мере, понятно, кто нас навестил, – сказал Мизинов. – Господа большевики нас в покое не оставят, братцы, могу вам это твердо обещать. Надеюсь, что и впредь вы будете так же бдительны и преданны России, как теперь. Благодарю за службу!

– Рады стараться... – начали было в голос станичники, но Мизинов оборвал:

– Хватит, хлопцы, не время и не место! Побережем наш пыл до лучших времен, – и направился наконец к Кандаурову, который вот уже некоторое время делал ему какие-то знаки у двери.

– Что такое, Спиридон Лукич?

– Вас там господин какой-то дожидаются, – ответил казак. – Спрашивают его степенство господина Усцелмова.

Мизинов одернул сюртук и вышел в лавку. Гость тут же встал и шагнул к нему навстречу:

– Здравия желаю, ваше степенство! – и протянул руку.

– Чем обязан? – пожал руку Мизинов.

– Хорошо устроились, *ваше превосходительство*, – начал было гость, но Мизинов его прервал:

– Кто вы таков, сударь? Что вам угодно?

– Не волнуйтесь, Александр Петрович, всего лишь один вопрос. Как там айшетское золото? Не потускнело ли за долгое время?

Под Мизиновым, казалось, разверзлась земля. Выдержки, однако, ему было не занимать, вот только голос слегка дрожал, пока он отвечал:

– Вы же знаете, настоящее золото не тускнеет, а залежалость лишь прибавляет ему цены.

Это был пароль и ответ на него. Тот пароль, услышать который Мизинов невыносимо жаждал вот уже больше года. И вот теперь... Неужели?

Он крепко пожал гостю руку.

– Генерального штаба полковник Агримович, – щелкнул каблуками гость.

– Здравствуй, полковник!

– Давайте присядем, Александр Петрович, – предложил гость.

Они присели на диван для посетителей.

– Я из Владивостока, ваше превосходительство, – начал Агримович. – Ждут вас очень во Владивостоке... – Он помолчал, наблюдая реакцию Мизинова. Тот внимательно слушал.

– Во Владивостоке с июня месяца новая власть, – продолжал Агримович. – Большевики по шее. Во главе братья Меркуловы. За их спиной, открою правду, японские войска, – он поиграл пальцами, словно хотел сказать: «Что же теперь поделаешь? Все средства хороши!».

– Но ведь большевики уже на Амуре, – возразил Мизинов.

– Так что же? До океана еще много земли, – невозмутимо парировал Агримович. – При толковом руководстве, умелой оператике и прекрасной тактической выучке наших бойцов (она еще сохранилась, смею вас уверить) для господ большевиков возможны большие неожиданности! Нужен толковый военачальник, ибо, слава богу (полковник перекрестился), грядет крупное наступление. Предлагали Дитерихсу, он отказался.

Мизинов промолчал, хотя прекрасно знал Михаила Константиновича Дитерихса. Тот, как и он, безвыездно жил в Харбине, на Фуражной улице, и Мизинов имел честь неоднократно беседовать с ним. Мизинову импонировали монархистские убеждения Дитерихса, однако дальше воспоминаний и бесед «за жизнь и судьбу» дело не пошло, да и не было у Мизинова полномочий самостоятельных действий. Он ждал человека с *паролем*. И вот дождался наконец.

– Что же, я готов! Я ждал вас больше года! – облегченно выдохнул Мизинов. – Думал, забыли...

– Невозможно забыть про золотой запас России, ваше превосходительство. И про талантливого военачальника никто не забывал, поверьте. Они сейчас такая редкость!

– Но чем же был вызван такой длительный срок?

– Обстоятельства, Александр Петрович, обстоятельства... Сперва заморочки с Семеновым. Потом республика эта Дальневосточная, чтоб ей неладно! Пора с ней кончать! Теперь, кажется, вы найдете применение своим способностям. И своему запасу, откровенно скажу. Все брать с собой пока нет смысла. Вы поедете один, с несколькими казаками в качестве охраны. Запас оставьте здесь, с собой возьмите немного. Есть кому поручить охрану?

– Есть-то есть. Да вот только...

– Что такое?

– Позавчера была попытка выкрасть запас. Мои казаки отбили. Опасаюсь, как бы не повторилось...

– Но ведь отбили? Молодцы. Значит, надежные люди. Есть человек, которому вы доверяете безраздельно?

– Есть, господин полковник. За меня останется хорунжий Маджуга. Он ранен, но, надеюсь, скоро поправится.

– Вот и прекрасно. У вас еще есть немного времени. Поедем мы через неделю в лучшем случае. Кстати, настоятельно рекомендую усилить караулы. Выставить уличную охрану. Людей достанет? Если что, я могу поговорить с Дитерихсом, он вполне может присмотреть за хранилищем. Ему можно доверять вполне...

– Я прекрасно знаю Михаила Константиновича, – кивнул Мизинов. – Если он не будет против... В качестве дополнительного контроля...

– И контроля, и дополнительной охраны в случае надобности. Я с ним переговорю.

– Благодарю вас, полковник. Я готов.

– Ну и прекрасно, Александр Петрович. Собирайтесь. Найдете меня в гостинице «Кун-лунь». Это в центре, в районе Нангань, недалеко от железнодорожного вокзала, если знаете.

– Знаю, полковник. До встречи.

Глава четвертая. 1921. Октябрь

1

В апреле 1920 года на территории Забайкалья и российских дальневосточных колоний была провозглашена так называемая Дальневосточная республика. Официально она была сформирована как демократическое государство с капиталистическим укладом в экономике и была независимой. А фактически являлась буферным государством между Советской Россией и Японией. Идею создания ДВР выдвинул эсеровский политцентр. И удивительно – Советская Россия эту идею поддержала. Прежде всего потому, что весной двадцатого находилась в весьма сложной военно-политической обстановке. В Москве верно поняли, что провозглашение ДВР поспособствует предотвращению прямого военного конфликта с Японией и поможет вывести иностранные войска с Дальнего Востока. Для этого можно было и потерпеть полусоветскую республику. Зато уж потом, потирали руки в Кремле, потом можно будет всеми силами обрушиться на откровенно несоветские Забайкальское и Приамурское правительства.

И ДВР была провозглашена учредительным съездом трудящихся Прибайкалья. Столицей определили Верхнеудинск. В состав ДВР входили: Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин, хотя фактически на тот период республика контролировала лишь Амурскую область, Хабаровский округ и Забайкалье, которое чуть позже было отторгнуто у ДВР Советской Россией.

Причиной того, что большевики «съели» Забайкалье, был тот факт, что там, в отличие от других регионов ДВР, не было просоветских автономий, вся власть принадлежала Народному собранию и правительству Забайкальской республики, а к их созданию еще в восемнадцатом приложил свою крепкую руку Григорий Михайлович Семенов. С кем с кем, а вот с атаманом Семеновым красные мириться вовсе не хотели.

Признав ДВР уже в мае двадцатого, Москва предоставила ей финансовую, дипломатическую, кадровую, хозяйственную и военную помощь, что позволило Кремлю контролировать внутреннюю и внешнюю политику ДВР и создать Народно-революционную армию республики на базе красных дивизий. В октябре-ноябре двадцатого НРА разгромила вооруженные силы Восточной окраины атамана Семенова. После длительных боев части НРА и партизаны заняли Читу, которая стала новой столицей ДВР. В это же время японские войска эвакуировались из Хабаровска, что привело к действительному объединению дальневосточных областей в рамках Дальневосточной республики.

В январе двадцать первого прошли выборы в Учредительное собрание ДВР, задачей которого стала выработка конституции республики и создание ее верховных органов. Большинство в Учредительном собрании получили большевики в союзе с представителями крестьянских партизанских отрядов. За время своей деятельности с февраля по апрель двадцать первого Учредительное собрание приняло конституцию ДВР, согласно которой республика объявлялась независимым демократическим государством, верховная государственная власть в котором принадлежит исключительно народу Дальнего Востока. В качестве органов верховной власти были избраны Правительство во главе с большевиком Краснощековым и Совет Министров. ЦК РКП(б) и Совет народных комиссаров Советской России держали под неослабным контролем решение всех важнейших вопросов внутренней и внешней политики ДВР, ее военное строительство. Народно-революционная армия буферной республики изначально рассматривалась как одна из армий Советской России.

Все бы хорошо, но тут в конце мая двадцать первого во Владивостоке вспыхнул мятеж...

2

Осенью двадцатого семеновские и каппелевские части были выбиты Народно-революционной армией Дальневосточной республики из Забайкалья и эвакуировались в Приморье. Лидером белых там считался атаман Семенов, опиравшийся на акт Колчака от 4 января 1920 года о передаче ему всей полноты власти на российской восточной окраине. Кроме того, атаман распоряжался солидными средствами русского золотого запаса. В первой половине 1921-го в Порт-Артуре у Семенова побывали многочисленные делегации от антикоммунистических политических и военных группировок Дальнего Востока, в том числе и высшего командного состава каппелевцев. На встречах решались вопросы антибольшевистского военного переворота в Приморье и создания новой власти. К апрелю такой план, устраивающий, казалось, всех, был выработан. 14 апреля в Пекине состоялось совещание представителей военных отрядов генералов барона Унгерна, Кайгородова, Бакича, Савельева, атаманов Дутова и Анненкова. Говорили об объединении отрядов под общим командованием атамана Семенова и разработки плана весеннего наступления на советскую Сибирь и ДВР.

26 апреля в Гродеково открылся съезд представителей Оренбургского, Уральского, Сибирского, Енисейского, Семиреченского, Иркутского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Среди главных вопросов – избрание походного атамана всех казачьих войск российской восточной окраины (бывший таковым Андрей Дутов погиб в Китае) и меры по объединению всех антибольшевистских сил. В результате походным атаманом был избран генерал-лейтенант Семенов.

Спустя месяц на совещании в Порт-Артуре решили, что верховная власть после переворота должна принадлежать атаману Семенову, а законодательная – Народному собранию.

Прозорливые люди, впрочем, видели, что «игра в офицерики» – всего лишь ширма для закулисных игр японцев, желающих прибрать Приморье русскими руками. И для этого японцы начали хитроумную дипломатическую игру, мастерами которой являлись всегда. Прежде всего, понимали они, необходимо поставить у руля ДВР русских антибольшевиков, которые неизбежно (этого не видел только слепой) обратятся за помощью к Японии.

Во Владивостоке создали подпольный комитет во главе с братьями Меркуловыми. Старший брат – купец и домовладелец Спиридон Дионисьевич – был влиятельной фигурой на Дальнем Востоке. Младший, Николай, не первый десяток лет владел на Амуре крупной пароходной компанией. Меркуловы были умны, ничего не скажешь. И сказочно богаты. В Токио понимали: случись что – братья побегут только к ним.

Второй картой казался атаман Семенов, обосновавшийся в японском Генеральном штабе. Но он действительно – по сути был лишь запасным игроком.

И работа закипела. Во Владивостоке готовили склады с оружием. Братья Меркуловы зачастили в Харбин, наладили связи с влиятельными эмигрантскими кругами. Конечно, о поддержке их японцами братья не упоминали. Говорили только о создании в Приморье белого правительства. Европа поддержала затею. А тут еще в Советскую Россию вторглись отряды Петлюры, Булаховича, Савинкова. И «властелин пустыни» проснулся – барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг. Рванул из Монголии в Россию. Пятая армия Иеронима Уборевича повернулась в другую от Дальнего Востока сторону – к Иркутску. Момент был самым подходящим.

И вот в результате переворотов 24 мая в Никольске-Уссурийском и 26 мая во Владивостоке власть ДВР в Южном Приморье оказалась свергнутой. Было создано Временное Приамурское правительство, которое возглавил Спиридон Меркулов. Переворот совершили воинские формирования семеновцев и каппелевцев, располагавшиеся в районе Гродеково – Спасск – Никольск-Уссурийский – Владивосток. Командующий каппелевцев генерал Вержбицкий

поддержал сформировавшееся правительство. Он-то и посоветовал руководителям правительства пригласить к сотрудничеству генералов Дитерихса и Мизинова, живущих в Харбине. Дитерихс отказался, а вот Мизинов, как мы видели, согласился.

Атаман Семенов был уверен, что события разворачиваются по его плану, и засобирался в Приморье. Вопреки советам японского командования и Временного Приамурского правительства, генерал поехал во Владивосток. Это было началом его многомесячной борьбы с Приамурским правительством. Но сила силу гнет – и в конце концов Григорий Михайлович покинул Приморье. За это правительство выделило ему сумму, обеспечивающую его проживание в течение пяти лет. Семенов, в свою очередь, дал обещание не проживать в Японии или в местах, находящихся в сфере ее влияния.

Атаман сложил с себя звание главнокомандующего войсками восточной окраины. Все подчиненные ему воинские части переходили в распоряжение генерала Вержбицкого. В память о доблестном Ледовом походе Каппеля в июне двадцать первого командующий войсками Временного Приамурского правительства генерал-лейтенант Вержбицкий издал приказ, которым устанавливался отличительный нарукавный знак каппелевцев. Знак представлял собой Георгиевскую ленту, сложенную под сорокапятиградусным углом. Подобно бело-сине-красному шеврону Деникинской Добровольческой армии, знак каппелевцев носился на левом рукаве, но только углом вверх.

«Что ж, каждая новая метла...» – подумал тогда Мизинов.

3

Мизинов впервые присутствовал на заседании меркуловского правительства. Оно проходило во Владивостоке, в центральной конторе акционерного общества «Торговый дом братьев Меркуловых, сыновей, зятя».

Вел собрание сам Спиридон Меркулов – высокий, породистый мужчина в белом чесучовом костюме. Говорил складно, грамотно и доказательно. Хотя что у него было на душе – не понимал, наверное, никто, меньше всего – Мизинов, человек здесь совершенно новый.

Меркулов говорил о проблемах. Основная – уход японских войск. Они убедились в полном провале интервенции и открыто заявили об эвакуации в октябре. Следовательно, все иллюзии на японизацию Дальнего Востока развеялись.

– Временное приамурское правительство находит, что японские войска в Приморье принесли краю только пользу, сохранив его от окончательного разорения, – вещал с трибуны Меркулов. – Дальнейшее пребывание японских войск во Владивостоке и Приамурье не может встретить ни малейших возражений со стороны нашего правительства.

Члены правительства с ним согласились: другого выхода не было, надеяться на собственные силы не приходилось. Все молили в душе, чтобы японцы остались. Только в этом «приамурском правительстве» видело свое спасение.

Затронули и финансовые вопросы. Денег в казне – кот наплакал. Продать больше нечего.

– Прежде мы жили тем, что сбывали грузы, получали иностранные кредиты. Это позорище! Кто, уважающий себя, так живет? – раздавались голоса.

Еще вчера склады города ломились от грузов, продуктов, вооружения. Тысячи тонн. Сегодня было продано все.

– Надо эксплуатировать природные ресурсы! – кричали из зала. – Отдать коммерсантам промыслы, прииски!

Спиридон Денисович Меркулов, глава правительства, сидел в президиуме и, подперев голову массивным кулаком, бессмысленно глядел в зал.

Он увидел генерала Вержбицкого и вздрогнул. Он не любил генерала. Впрочем, «не любил» – мягко сказано. Он его ненавидел. Вечно Вержбицкий вставал у него на пути. Вот и сейчас всю военную власть загреб под себя. Того и гляди опять переворот учинит. Ему не впервой...

Да что там генерал – все его подвели, даже вчерашние друзья. Японцам главное – свой карман набить. Промышленники тоже поворачивают, это уж как водится. А тут еще эта Дальневосточная республика, будь она неладна! Большевики в затылок дышат, вот-вот насядут, и поминай как звали...

«И все-таки японцы – самые надежные друзья, как бы там ни было, – в который раз твердо для себя постановил Спиридон Меркулов. – Но как быть? Токийский кабинет адмирала Като заявил о новой дальневосточной политике. Японцы пошли на переговоры с ДВР! Куда уж дальше-то?.. А тут и армия полуголодная – почти тридцать тысяч человек. Да и себя бы не забыть»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.